

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

СЕДЬМАЯ
ВДОВА
ПРОКЛЯТОГО
КОРОЛЯ

Павел Лимонов

Седьмая вдова проклятого короля

«Автор»

2026

Лимонов П.

Седьмая вдова проклятого короля / П. Лимонов — «Автор»,
2026

В день свадьбы я стала королевой. В первую брачную ночь — вдовой. А к утру меня уже обвинили в убийстве мужа. Говорили, что Рейнар проклят. Шесть его предыдущих жен умерли при загадочных обстоятельствах. Я согласилась стать седьмой, чтобы спасти свой дом. Теперь мне грозит казнь. У меня всего семь дней, чтобы доказать невиновность. А исполнить смертный приговор поручено Эдрику Морну — королевскому палачу, опасному мужчине, которому я ни за что не должна доверять. Но на похороны короля приходят шесть женщин. Его покойные жены. Все живые. Кто заставил их исчезнуть? Почему после каждой «смерти» королевская казна получала новые земли? И кому понадобилось подставлять именно меня? Чтобы выжить, мне придется раскрыть тайну шести могил. И разобраться в собственных чувствах к мужчине, который может стать моим палачом. Ведь иногда самое опасное — доверить свое сердце тому, в чьих руках находится твоя жизнь.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Платье для покойницы	5
Глава 2. Семь дней до суда	34
Глава 3. Шесть женщин в трауре	66
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Павел Лимонов

Седьмая вдова проклятого короля

Глава 1. Платье для покойницы

Портниха в третий раз вонзила булавку мне под ребро и попросила не дышать.

— Я стараюсь, — сказала я. — Но если вы намерены закончить платье прямо на мне, придется время от времени делать перерывы.

Женщина испуганно отступила.

— Простите, ваше величество.

— Я еще не королева.

— Через два часа будете.

Она произнесла это так, словно через два часа мне предстояло получить не мужа, а тяжелую, плохо подогнанную мебель, которую нельзя вернуть продавцу.

Я посмотрела в зеркало.

Платье действительно было красивым. Молочный шелк, серебряная вышивка по лифу, длинные рукава из тонкого кружева. По подолу тянулись изображения зимних цветов. На изготовление одного только корсажа ушло столько серебряной нити, сколько стоило содержать две семьи в Каменном Броде всю зиму.

Я знала это совершенно точно.

Последние три года мне приходилось считать даже стоимость подков для лошадей.

— Не затягивайте больше, — попросила я.

— По правилам королевского двора талия невесты должна быть...

— Я не стану тоньше, сколько бы вы ни тянули.

Портниха наконец убрала руки.

За ее спиной стояла Алма, моя горничная. Она служила еще моей матери, а после ее смерти осталась со мной. За двадцать лет Алма успела приобрести неприятную привычку говорить правду даже тогда, когда ее никто об этом не просил.

Сейчас она рассматривала свадебное платье с таким выражением, будто собиралась потребовать деньги обратно.

— Выглядите прекрасно, госпожа, — сказала она.

Я поймала ее взгляд в зеркале.

— А теперь правду.

— Лучше бы вам сегодня надеть дорожное платье и уехать домой.

Портниха уронила наперсток.

— Алма!

— Что? — невозмутимо спросила та. — Я не предлагала увести королевских лошадей.

— Выйдите на минуту, — попросила я портниху.

Та поспешно собрала булавки и почти выбежала за дверь.

Я повернулась к Алме.

— Мы это уже обсуждали.

— Я помню.

— Тогда зачем начинаешь снова?

— Потому что до свадьбы осталось два часа. Потом говорить будет поздно.

Я посмотрела на письмо, лежавшее на столе возле окна.

Бумага была помята на сгибах. Я перечитывала ее столько раз, что могла воспроизвести каждую строчку, даже не открывая.

Управляющий Каменным Бродом сообщал, что сборщики королевских долгов приезжали снова. Они составили опись двух мельниц, зернового склада и трех домов возле старой переправы.

На следующей неделе имущество могли выставить на торги.

Мельницы принадлежали мне, но работали на них люди, которым больше некуда было идти. В домах жили семьи работников. У некоторых было по четверо детей.

Долг когда-то взял мой отец.

После большого паводка размыло каменную насыпь, которая удерживала течение возле переправы. Без ремонта вода уничтожила бы и мост, и соседние поля. Отец занял деньги у торгового дома, уверенный, что успеет расплатиться за несколько урожайных лет.

Он не успел.

Сначала заболел, потом умер.

Торговый дом перепродал долг королевской казне. За следующие два года проценты выросли настолько, что даже продажа половины имения не покрыла бы всю сумму.

Я обжаловала начисления: трижды подавала прошения, дважды приезжала в столицу.

В последний раз вместо ответа получила приглашение к королевскому канцлеру.

Именно там впервые прозвучало предложение о браке.

— Если я уеду, — сказала я Алме, — через неделю они заберут мельницы. Потом землю. А людям предложат искать себе другого хозяина.

— Хороших хозяев тоже иногда хоронят.

— Очень ободряюще.

— Я не обязана вас ободрять. Я обязана следить, чтобы вы ели, спали и не позволяли чужим людям причинять вам вред.

— Последнее у тебя получается хуже всего.

Алма вздохнула.

Я сама понимала, насколько ужасным было мое решение.

Мне исполнилось тридцать. Я достаточно долго занималась хозяйством, чтобы не верить в счастливые совпадения. Особенно в те, где король внезапно выбирал себе жену из небогатого провинциального рода.

У Рейнара Третьего уже было шесть жен.

Все шесть умерли.

Первая прожила с ним почти три года.

Вторая — меньше двух.

Третья умерла после тяжелой болезни, продолжавшейся всего несколько дней.

Четвертая не пережила зиму.

Пятая внезапно скончалась после придворного праздника.

Шестую похоронили полтора года назад.

В столице утверждали, что королевский род проклят.

В Каменном Бродо говорили проще: не стоит выходить замуж за мужчину, у которого слишком быстро заканчиваются супруги.

Мне не нравилось ни одно объяснение.

Но отказаться от свадьбы означало признать поражение еще до того, как я попыталась защитить свое имущество.

Канцлер обещал отсрочить взыскание после заключения брака. Само обещание было составлено осторожно: королевская канцелярия обязалась представить вопрос на рассмотрение государю.

Никакого безусловного освобождения от долга в документе не было.

Я заметила это сразу.

Однако больше мне не предложили ничего.

— Алма, принеси мою брошь.

Она подошла к шкатулке на туалетном столике.

— Которую?

— Материнскую. Серебряную веточку.

Алма открыла крышку.

Она несколько секунд смотрела в шкатулку, не двигаясь.

Она перебрала украшения, вынула пару серег, маленькое кольцо с зеленым камнем, несколько шпилек.

Затем подняла шкатулку и посмотрела под ней.

— Что случилось? — спросила я.

— Здесь ее нет.

— Посмотри в нижнем отделении.

— Я уже смотрела.

Алма выдвинула бархатный лоток.

Пусто.

Я подошла к столу, придерживая тяжелую юбку.

Брошь была небольшой, в виде серебряной ветки терна с тремя темно-красными гранатами. Один камень сидел немного криво. Мать уронила украшение много лет назад, и ювелир так и не смог закрепить его идеально.

Вещица стоила недорого.

Для меня она была дороже всего, что лежало сейчас в шкатулке.

— Ты ее перекладывала?

— Нет, госпожа. Сегодня утром сама положила сюда. Помню совершенно точно.

— Кто заходил в комнату?

— Портнихи, две служанки с бельем, распорядитель церемонии. Еще дворцовая девушка приносила новые ленты.

— Она оставалась одна?

— Минут на пять. Я выходила за горячей водой.

Я посмотрела на распахнутую дверь.

Во дворце нас поселили вчера вечером. За это время через мои комнаты прошло столько незнакомых людей, что я не могла вспомнить и половины лиц.

— Поищи среди тканей, — сказала я. — Возможно, кто-то случайно смахнул ее со стола.

Мы осмотрели стол, подоконник, сундук с дорожными вещами. Алма даже опустилась на колени и проверила пространство под кроватью.

Броши нигде не было.

— Доложить дворцовому управляющему? — спросила она.

Я подумала.

Обвинить королевскую прислугу в краже за два часа до свадьбы было не лучшим способом начать жизнь при дворе.

С другой стороны, молчать мне тоже не хотелось.

— Запиши, когда ты видела ее в последний раз, и кто после этого заходил сюда. Не полагайся на память. А я поговорю с управляющим после церемонии.

— После церемонии у вас будет муж, который может приказать всем искать хоть серебряную ветку, хоть целое дерево.

— Надеюсь, до этого дело не дойдет.

Алма достала свою небольшую дорожную книжицу. Она вела ее еще со времен матери: расходы на свечи, имена поставщиков, покупки, даты отправления писем. Теперь туда добавилась пропавшая брошь.

Пока она писала, я вновь посмотрела на себя в зеркало.

Платье сидело превосходно.

Единственное, что в нем мне по-настоящему нравилось, — возможность скрыть под широкой юбкой удобные туфли. Королевский распорядитель принес пару расшитых атласом башмачков на тонких каблуках. Я оставила их на кровати.

Ходить по каменным дворцовым лестницам в такой обуви могли либо очень ловкие женщины, либо те, кого постоянно носили на руках.

Я не относилась ни к первым, ни ко вторым.

Канцлер Ордис Валлен ожидал меня у входа в западную галерею.

Он был высоким, сухощавым мужчиной с аккуратно подстриженными седыми волосами и лицом, на котором почти никогда ничего не менялось.

При первой встрече мне показалось, что он немного сутулится от возраста.

Теперь я подозревала, что это привычка человека, который всю жизнь склонялся над чужими документами.

— Госпожа Вейр.

Он поклонился.

— Ваше превосходительство.

— Надеюсь, приготовления проходят без затруднений?

Я подумала о пропавшей броши.

— Почти.

— Что-то случилось?

Валлен смотрел внимательно. Не сочувственно, не обеспокоенно. Скорее как человек, который заметил ошибку в счете и хочет немедленно выяснить ее причину.

— Небольшая неприятность. Ничего, что могло бы помешать церемонии.

— Разумный подход. Сегодня все внимание двора будет обращено к вам. Было бы досадно испортить такой день пустяками.

Он протянул руку.

Мне пришлось опереться на нее.

Дворцовая галерея оказалась намного холоднее моих комнат. В высоких окнах лежало бледное вечернее солнце. По стенам тянулись портреты правителей Арвеля, написанные так давно, что краска на некоторых лицах потемнела почти до черноты.

Мы пошли медленно.

За нами держались две придворные дамы и несколько слуг.

— Вы получили мое последнее письмо? — спросил канцлер.

— Получила.

— Тогда надеюсь, все вопросы улажены.

— Не совсем.

Он едва заметно повернул голову.

— Слушаю.

— В письме сказано, что вопрос о взыскании долга будет представлен королю после свадьбы. Но мы договаривались о приостановке взыскания.

— Именно.

— Это разные вещи.

— Конечно.

Я остановилась.

Придворные дамы позади нас тоже остановились.

Валлен посмотрел на меня с вежливым удивлением.

— Вы хотели бы обсудить юридические тонкости сейчас?

— Я хочу убедиться, что люди в Каменном Броде не останутся без домов.

— Ваше беспокойство понятно. Но вы должны осознавать, что после сегодняшнего вечера станете частью королевской семьи. Его величество не позволит несправедливо обойтись с владениями супруги.

— Значит, мы можем прямо сегодня подписать распоряжение об отсрочке?

Канцлер улыбнулся.

Совсем немного.

— Вы обладаете редкой настойчивостью, госпожа Вейр.

— Она обычно помогает мне добиваться оплаты зерна.

— Королевство несколько сложнее зернового склада.

— Людям, которым грозит выселение, разница не кажется значительной.

На этот раз он перестал улыбаться.

— Предлагаю вернуться к вопросу завтра. Король желает провести свадебный вечер без деловых разговоров.

Мне не понравилось, что решение за меня уже приняли.

Но спорить посреди галереи, где каждое слово могли передать государю в искаженном виде, было бессмысленно.

Я продолжила идти.

— Хорошо. Завтра.

— Благодарю за понимание.

Мы прошли мимо окна, выходящего во внутренний двор. Там сустились повара, носильщицы и несколько мальчишек, таскавших корзины с цветами.

Королевская свадьба обходилась казне в целое состояние.

По крайней мере, издавело все выглядело празднично.

— Позвольте один совет, — произнес Валлен.

— Вы уже дали мне около десятка.

— Этот будет последним перед церемонией.

— Тогда слушаю особенно внимательно.

Он не оценил шутку.

— Не пытайтесь изменить жизнь его величества слишком быстро. Король привык к установленному порядку. Он ценит спокойствие, верность и отсутствие ненужных споров.

Я взглянула на него.

— А если я с ним не согласна?

— Находите подходящее время для разговора.

— И кто определяет, что время подходящее?

— Обычно сам государь.

Теперь я понимала, отчего так трудно было добиться от Рейнара решения о моем имении.

— Спасибо. Я учту.

Мы свернули в короткий переход, соединявший дворцовые помещения с королевской часовней.

На стенах здесь не было портретов. Между высокими каменными колоннами стояли небольшие чаши со свечами. За ними виднелись шесть светлых плит, вделанных в камень.

Я узнала первое имя.

Адела Роан.

Первая супруга короля.

Под ним были выбиты годы ее жизни и короткая надпись о добродетели, которую она проявляла при дворе.

Рядом находилась плита Виолы Тарн.

Потом Марты Селен.

Еще три имени.

Шесть мертвых королев.

Я замедлила шаг.

— Это их памятные плиты?

Канцлер проследил за моим взглядом.

— Да.

— Все здесь?

— Все прежние супруги государя. Их останки покоятся в нижней усыпальнице.

У одной из плит лежали свежие белые цветы.

— Кто приносит им цветы?

— Служители часовни. Иногда родственники.

Я подошла ближе.

Возле последнего имени в камне еще сохранилась более светлая полоса от недавней работы мастера.

Нерина Фальт.

Последняя жена Рейнара.

Тридцать один год.

Выходя замуж, она была ненамного старше меня.

— Ее похоронили полтора года назад? — спросила я.

— Верно.

— Она была больна?

Валлен не ответил сразу.

— У госпожи Фальт имелись проблемы со здоровьем.

— Какие?

— Я не лекарь.

— Но вы были канцлером.

— И остаюсь им.

Он произнес это спокойно, однако смысл был понятен.

Я слишком много спрашивала.

— Люди считают, что королевский род проклят, — сказала я.

— Люди охотно верят в то, чего не понимают.

— А вы?

— Я верю в документы, госпожа Вейр. Они обычно надежнее слухов.

Взгляд канцлера скользнул по шести плитам.

— У каждой из этих женщин была своя судьба. Не думаю, что стоит начинать вашу семейную жизнь с размышлений о чужих несчастьях.

— Возможно, вы правы.

Хотя я совсем так не считала.

Я посмотрела на свободное пространство в конце ряда.

Там вполне поместилась бы седьмая плита.

Мне стало неприятно от этой мысли.

Не страшно, как бывало в детстве перед грозой. Скорее досадно. Будто кто-то уже решил, где я должна закончить свои дни, и даже оставил для этого достаточно места.

— Пойдемте, — сказал канцлер. — Нас ждут.

Короля Рейнара Третьего я впервые увидела три недели назад.

До того знала его по монетам, официальным портретам и рассказам придворных.

В действительности он выглядел старше, чем на изображениях, но моложе своих сорока восьми лет казаться не пытался. Темные волосы тронула седина, особенно возле висков. Лицо было широким, с тяжелой нижней челюстью и глубокими складками возле рта.

Его нельзя было назвать непривлекательным.

Но приятным он тоже не казался.

Рейнар привык, что люди слушают его, еще прежде чем он начинал говорить.

Когда я вошла в часовню, он стоял возле алтаря и беседовал с главой королевской стражи.

Разговор оборвался.

Король посмотрел на меня сверху вниз, задержался взглядом на платье и слегка кивнул.

Ни улыбки, ни попытки приблизиться.

Я не ожидала нежности от человека, который предложил мне брак через канцелярию, но почему-то ощутила облегчение.

С лживой лаской было бы сложнее.

Церемонию проводил старший храмовый настоятель.

Гостей оказалось немного: члены государственного совета, представители нескольких знатных семейств, высокие военные чины и придворные, которых я прежде видела лишь мельком.

За окнами начинались сумерки.

Слуги зажигали свечи.

Когда я проходила между рядами, женщина в темно-зеленом платье наклонилась к соседке и что-то прошептала.

Та быстро отвернулась.

Я слышала только одно слово.

— Седьмая.

Догадываться, о чем они говорили, не требовалось.

Перед алтарем я остановилась рядом с королем.

Он протянул мне руку.

Ладонь была сухой, пальцы сильными.

— Вы опоздали на четыре минуты, — негромко сказал он.

— Простите, ваше величество. Платье потребовало больше времени, чем ожидалось.

— Советую привыкнуть к расписанию.

— Постараюсь.

Он перевел взгляд на настоятеля.

Церемония началась.

Я произносила положенные слова, которые выучила утром. Обещала соблюдать честь дома Арвелей, не причинять вреда королевству, хранить верность супругу.

Король отвечал коротко и уверенно.

В его голосе не было ни волнения, ни радости.

Наверное, к седьмому разу свадебные клятвы переставали производить сильное впечатление.

Когда настоятель попросил нас обменяться кольцами, Рейнар без затруднения надел на мой палец тонкий золотой ободок.

Кольцо оказалось немного свободным.

Я сжала пальцы, чтобы оно не соскользнуло.

Затем пришла очередь моего кольца.

На руке короля оно сидело плотно.

Он почти не посмотрел на него.

После благословения нам подали брачный договор.

По старому обычаю Арвеля королевские супруги подписывали его перед свидетелями, а монарх утверждал документ большой государственной печатью.

Мы с Рейнаром подписали договор. Затем Валлен принес небольшую темную коробочку.

Открыв крышку, он вынул массивный перстень с овальным темно-синим камнем.

Я уже видела его на официальных изображениях.
Это была печатка дома Арвелей.
На нижней грани камня было вырезано изображение королевского герба.
Валлен положил перстень перед государем.
— Печать, ваше величество.
Рейнар взял украшение и надел на указательный палец правой руки.
Почти сразу его лицо изменилось.
Он коротко поморщился.
— Проклятая вещь.
Я повернула голову.
— Что случилось?
Король с раздражением посмотрел на руку.
— Оправа цепляется.
— Позвать ювелира? — спросил канцлер.
— Ради пустяка? Не говорите глупостей.
Рейнар поправил перстень.
На мгновение я заметила узкую красную черточку возле основания пальца.
Наверное, он поцарапался о край оправы.
Король прижал печатку к теплomu воску на документе.
Первый оттиск получился нечетким.
Валлен быстро передвинул бумагу и приготовил новое место.
— Прошу еще раз.
Рейнар раздраженно выдохнул.
Со второй попытки оттиск получился четким.
После этого канцлер убрал документы в кожаную папку.
Я потянулась за своим экземпляром.
— А копия для меня?
Валлен поднял глаза.
— Вам предоставят ее после регистрации.
— Когда именно?
Король повернулся ко мне.
— Лиана.
Это было первое обращение по имени за весь вечер.
— Да, ваше величество?
— Сейчас не время обсуждать бумаги.
— Я только уточнила...
— Все положенные документы вы получите. Оставьте канцлеру возможность выполнять его работу.
Гости стояли достаточно близко, чтобы услышать каждое слово.
У меня вспыхнули щеки.
Я не любила, когда меня отчитывали при посторонних.
Однако начинать первый супружеский спор прямо перед алтарем не собиралась.
— Разумеется.
Рейнар отвернулся.
Настоятель объявил нас мужем и женой.
В часовне зазвучали поздравления.
Кто-то захлопал.
Две придворные дамы бросили под ноги мелкие лепестки белых цветов.
Один прилип к моей туфле.

Потом король наклонился и коснулся губами моего лба.

Это был короткий, почти церемониальный жест.

— Добро пожаловать в дом Арвелей, — сказал он.

Я поблагодарила его.

По дороге к выходу вновь заметила памятные плиты прежних королев.

Теперь между мной и этими женщинами существовала одна общая черта.

Все мы когда-то стояли возле этого алтаря.

Я решила не думать о том, что было дальше.

Свадебный ужин устроили в Зимнем зале.

Под его сводчатым потолком висели длинные светильники, а по обе стороны огромного стола горели каминны.

На блюдах лежали запеченные птицы, речная рыба, горы фруктов и сладости, приготовленные в форме королевских башен.

Я сидела рядом с мужем.

По другую сторону от него расположился канцлер.

Меня представили стольким людям, что к середине ужина имена начали путаться.

Все желали здоровья, долгих лет жизни и благополучного брака.

Некоторые произносили последнее пожелание с такой осторожностью, будто опасались нарушить запрет.

Особенно старалась пожилая графиня в тяжелом ожерелье.

— Пусть боги подарят вашему величеству много счастливых лет, — сказала она, поднимая кубок.

Король ответил сдержанным кивком.

Графиня поспешно добавила:

— И вам, государыня, конечно.

— Благодарю, — сказала я.

Она поспешила отойти.

Рейнар проводил ее взглядом.

— Глупая женщина.

Я не знала, предполагалось ли мне согласиться.

— Она хотела сказать что-то приятное.

— При дворе хотят казаться приятными. Это разные вещи.

Он отрезал кусок мяса.

— Вы быстро научитесь различать.

Возможно.

Пока я различала только то, что меня откровенно разглядывали и сравнивали с шестью женщинами, чьи имена были высечены в часовне.

Король некоторое время ел молча.

Затем спросил:

— Канцлер говорит, вы хорошо управляете имением.

— Я стараюсь.

— Сколько семей живет в Каменном Броде?

Вопрос меня удивил.

— Если считать поселения за рекой, сто восемьдесят три. Последняя перепись была весной.

— А доход?

Я назвала сумму за прошлый год.

Рейнар нахмурился.

— Немного.

— Прошрое лето было холодным. Мы собрали меньше зерна. Зато увеличились доходы от переправы.

— И все же ваше имение задолжало казне.

— Долг возник после разрушения насыпей. Отец занимал деньги на ремонт.

— Канцлер упоминал.

Я посмотрела на Валлена.

Тот не вмешивался.

— Мне хотелось бы обсудить взыскание, ваше величество.

Король положил нож.

— Прямо сейчас?

— Прошу прощения. Я понимаю, что вечер...

— Тогда зачем начинаете?

Я помедлила с ответом: мне очень хотелось сказать все начистоту.

Потому что людям некуда будет идти, когда вашу казну заинтересуют их дома.

Потому что обещания канцлера ничего не стоят без вашей подписи.

Потому что завтра вы можете передумать.

Но я произнесла другое:

— Мне важно знать, что вы рассмотрите этот вопрос.

— Рассмотрю.

— Завтра?

Рейнар наконец взглянул на меня внимательнее.

— Вы всегда так настойчивы?

— Когда речь идет о моих людях — да.

Несколько мгновений он молчал.

Потом взял кубок с вином.

— Хорошо. Завтра утром принесите мне бумаги.

Я с трудом удержалась от поспешных благодарностей.

— Благодарю.

— Только не устраивайте мне судебное заседание за завтраком.

— Не стану, если для этого не появится причина.

Король неожиданно хмыкнул.

Удивление было настолько явным, что я едва не улыбнулась в ответ.

— Вот, значит, как, — сказал он.

Валлен отложил вилку.

— Я распоряжусь подготовить документы, ваше величество.

— Не нужно. Госпожа Вейр принесет свои.

Рейнар посмотрел на канцлера.

— У нее, кажется, порядок в бумагах лучше, чем у половины моих чиновников.

— Несомненно, государь.

Валлен больше не пытался присоединиться к разговору.

Впервые за весь день мне показалось, что я сумела добиться хотя бы небольшого результата.

Мысль была почти приятной.

Потом король потянулся к кувшину с вином, но вдруг остановился.

Он посмотрел на правую руку.

— Что за чертовщина...

— Ваше величество? — спросила я.

— Пальцы мерзнут.

Он потер ладонь о колено.

В зале было жарко. От каминов тянуло сухим теплом, и несколько придворных уже сняли верхние камзолы.

— Может быть, позвать лекарку? — предложила я.

Рейнар бросил на меня недовольный взгляд.

— Из-за холодных пальцев?

— Я лишь спросила.

— Со мной все в порядке.

Он отодвинул кубок.

Чуть позже я заметила, что король почти не притронулся к поданному десерту.

Он разговаривал с начальником стражи, но несколько раз просил повторить сказанное.

Когда один из музыкантов ошибся, Рейнар резко приказал прекратить игру.

В зале стало неловко.

Канцлер наклонился к нему.

— Ваше величество, не желаете ли удалиться?

— Я сам решу, когда мне уходить.

Валлен выпрямился. Я отвела взгляд: мне не хотелось становиться свидетельницей их спора.

Однако через несколько минут разговор продолжился.

Тише.

Рейнар потребовал у канцлера сведения о каких-то платежах.

Я уловила слова «северная дорога» и «торговые сборы».

— Ведомость уже подготовлена, — ответил Валлен.

— Тогда почему я видел только половину?

— Остальные сведения проходят проверку.

— Они проходят ее слишком долго.

Канцлер пригубил вина.

— Я представлю вам окончательный отчет на следующей неделе.

— Завтра.

— Государь...

— Завтра, Валлен. Я хочу увидеть все книги.

Голос Рейнара не повысился, но за столом сразу стало тише.

Канцлер поклонился.

— Как пожелаете.

Мне показалось, что он собирался что-то добавить, но передумал.

Король снова потер правую руку.

Затем внезапно встал.

Слуги поспешили отодвинуть его кресло.

— Продолжайте без меня, — сказал он гостям. — Праздник устроен не для того, чтобы вы смотрели, как я ем.

Несколько человек рассмеялись.

Рейнар повернулся ко мне.

— Подойдите.

Я поднялась.

Он отвел меня на несколько шагов, за колонну возле выхода, где нас уже не могли слышать ближайшие гости.

— Я привык работать по вечерам, — сказал он.

— Понимаю.

— Сегодня придется закончить несколько дел. В мои комнаты вас проводят служанки.

Я не сразу нашлась с ответом.

Мы только что поженились.

Я, разумеется, знала, что королевские браки заключают не ради любви. И все же не ожидала, что в первую же ночь муж объявит о намерении оставить меня одну.

— Как пожелаете, ваше величество.

Он изучал мое лицо.

— Вас это обижает?

Я могла соврать.

Наверное, следовало.

Но после целого дня церемоний мне уже трудно было подбирать ответы, которые всем понравились бы.

— Скорее удивляет.

— Мне сорок восемь лет, Лиана. Я не мальчишка, который обязан проводить каждую свободную минуту возле новой супруги.

— Я этого и не требовала.

— Прекрасно.

Он помолчал.

— Завтра поговорим о вашем имении.

— Спасибо.

— И еще. Не принимайте близко к сердцу придворные сплетни. Слухи о проклятии переживут нас обоих.

Последнюю фразу он произнес совершенно спокойно.

Я невольно посмотрела на его лицо.

Неужели после шести смертей он действительно не испытывал никакого страха?

Или настолько привык скрывать его, что уже не мог говорить иначе?

— Доброй ночи, ваше величество.

Он коротко коснулся моей щеки.

— Спокойной ночи, Лиана.

Потом ушел, даже не оглянувшись.

Я стояла возле колонны и чувствовала странное облегчение.

Мне не придется делить постель с незнакомым мужчиной, который уже успел дать понять, что мое мнение не слишком его интересует.

По крайней мере, сегодня.

За столом продолжали смеяться и пить.

Один из молодых дворян уже заметно опьянел и громко убеждал соседку, что способен отличить любое вино от другого с закрытыми глазами.

Женщина не верила.

Я тоже.

Ко мне подошла придворная дама, представленная днем как госпожа Эстель.

— Ваше величество, желаете вернуться в покои?

Я кивнула.

— Да. Пожалуй.

— Утром к вам придет распорядитель, чтобы обсудить обязанности королевской супруги.

— Прекрасно.

Она улыбнулась.

— Первый день всегда самый трудный.

Я подумала о шести памятных плитах.

— Очень надеюсь.

Алма встретила меня возле спальни.

Я вернулась одна, и Алма сразу спросила:

— Его величество не придет?

— Работает.

— В первую ночь?

— Алма.

— Я только спросила.

Она помогла мне снять тяжелое платье.

Когда корсаж наконец ослаб, я смогла вдохнуть полной грудью. На коже под ребрами остались красные полосы от тугих швов.

Алма недовольно осмотрела их.

— Они вас чуть пополам не сложили.

— Если бы это помогло государству, канцлер наверняка одобрил бы.

— У вас после свадьбы язык стал еще острее.

Я уселась возле камина в простой нижней рубашке и теплой накидке.

Огонь потрескивал.

За окном темнел двор.

Слуги давно убрали свадебные украшения из коридора. Издалека еще доносились звуки музыки, но здесь было спокойно.

Мне принесли легкий ужин, хотя я почти ничего не хотела есть.

Я попросила только чай.

Алма разобрала прическу, вынула шпильки и принялась расчесывать волосы.

— Брошь так и не нашли? — спросила я.

— Нет.

— Ты записала, кто входил?

— Всех, кого помню. Девушку с лентами тоже.

— Как ее зовут?

— Не знаю. Молодая, светловолосая. На левом рукаве была заплатка, аккуратно зашитая белой ниткой.

— Ты замечаешь такие вещи?

— Кто-то ведь должен.

Я устало улыбнулась.

— Завтра найдем управляющего. Пусть посмотрит, кто сегодня работал в наших комнатах.

Алма кивнула.

Потом остановила расческу.

— Госпожа, можно спросить?

— Ты все равно спросишь.

— Вы боитесь?

Я некоторое время смотрела на огонь.

Ответить было сложнее, чем на все вопросы придворных за вечер.

— Да.

Алма не стала убеждать меня, что опасаться нечего.

За это я ее любила.

— Тогда почему улыбались за столом?

— Потому что от меня этого ждали.

— А если перестанете?

— Боюсь, у канцлера случится припадок.

Она тихо фыркнула.

Потом серьезно сказала:

— Мне не нравится этот дворец.

— Мне тоже.

— Везде слишком много дверей. И слуги ходят так тихо, будто им запрещено наступать на пол.

— Может быть, здесь очень дорогие ковры.

— Люди в дорогих камзолах тоже иногда оказываются неприятными.

Я повернула голову.

— Что ты хочешь сказать?

Алма не ответила сразу.

Она отложила расческу и села напротив.

— Когда я днем ходила за горячей водой, возле лестницы стояли двое мужчин. Один в форме королевской стражи, другой в обычном темном кафтане. Увидели меня и замолчали.

— И что?

— Ничего. Может, просто разговаривали.

— О чем?

— Я не слышала.

Она помолчала.

— Только человек в кафтане спросил, освободили ли уже западные комнаты.

— Наши?

— Полагаю, да.

Я нахмурилась.

— Западные комнаты заняты нами с вечера. Зачем это кому-то выяснять?

— Не знаю.

— Почему ты раньше не сказала?

— Потому что это могло ничего не значить. А еще потому, что вы и без того нервничали перед свадьбой.

Я посмотрела на шкатулку.

В ней по-прежнему не хватало броши.

Не исключено, что все это были обыкновенные дворцовые мелочи. Люди входили и выходили, обсуждали комнаты, переносили вещи.

Но мне не нравилась мысль, что кто-то мог спокойно проникнуть туда, где лежали мои личные вещи.

— Завтра я попрошу приставить к дверям человека, которому можно доверять.

— Кого?

Хороший вопрос.

За один день во дворце у меня не появилось ни одного такого человека.

— Для начала поговорю с начальником стражи.

Алма посмотрела на меня без особой надежды.

— Постарайтесь хотя бы сегодня выспаться.

Она помогла мне снять украшения и подготовила постель.

Я долго сидела у камина, перебирая мысли о предстоящем утре.

Король обещал рассмотреть бумаги.

Я должна была попросить письменную отсрочку взыскания, добиться исправления спорных начислений и получить право направить независимого счетовода для проверки старых долгов.

Возможно, удастся добиться пересмотра самой сделки, по которой обязательства отца перешли в казну.

Я мысленно готовилась к разговору: отделяла главное от второстепенного, обдумывала, на какие уступки могла согласиться.

Впервые за много недель у меня появилась хоть какая-то возможность исправить положение.

Наверное, именно поэтому я не сразу услышала шум за дверью.

Сначала донеслись быстрые шаги.

Потом чей-то раздраженный голос.

Затем отчетливый металлический стук.

Я подняла голову.

Алма тоже прислушалась.

— Что там происходит?

За дверью кто-то пробежал.

Следом раздался приказ:

— Позовите лекарку!

Я встала.

Алма поспешила к двери, но я остановила ее.

— Подожди.

Снова слышались шаги.

На этот раз тяжелые, быстрые.

Мужчина громко позвал начальника караула.

Я накинула поверх рубашки плотный домашний халат и сама открыла дверь.

По коридору двигались стражники.

Двое спешили к лестнице, ведущей в северное крыло. Еще один разговаривал со слугой, который держал в руках связку ключей.

— Что произошло? — спросила я.

Стражник резко обернулся.

Увидев меня, выпрямился.

— Ваше величество.

— Что случилось?

Он замялся.

— Нас вызвали в королевские покои.

— Зачем?

— Мне не велено...

— Я жена короля. Если с ним что-то произошло, я имею право знать.

Стражник посмотрел на своего товарища.

Потом неохотно ответил:

— Его величество не открывает дверь кабинета.

У меня неприятно сжалось в животе.

— Давно?

— Около четверти часа пытаются достучаться. Он приказал не тревожить его до полуночи. Когда пришло время смены караула, не отозвался.

— Возможно, уснул.

— Возможно, государыня.

Но вид у стражника был такой, что он сам в это не верил.

Я посмотрела на Алму.

— Оставайся здесь.

— Госпожа...

— Пожалуйста.

Я вышла в коридор.

Стражник шагнул передо мной.

— Ваше величество, лучше дождаться известий.

— Вы знаете, что с королем?

— Нет.

— Тогда я пойду и узнаю.

Он не решился остановить меня.

Мы быстро пересекли галерею.

Я шла без придворных туфель, в мягких домашних башмаках. Пол был холодным даже сквозь подошвы.

На повороте встретились двое слуг. Один нес фонарь, другой ящик с инструментами.

Откуда-то впереди доносился глухой стук.

К тому времени, когда мы подошли к королевскому кабинету, возле дверей уже собрались люди.

Я узнала начальника стражи, которого видела за ужином.

Рядом стоял седой мужчина в мантии государственного советника.

Чуть дальше — Валлен.

Канцлер был одет так же безупречно, как днем, только на плечах у него лежал темный плащ.

Он повернулся ко мне.

— Ваше величество. Вам не следовало сюда приходить.

— Что с моим мужем?

— Мы пока не знаем.

Из-за двери донесся новый удар.

Двое стражников старались выбить тяжелый замок.

— Почему ее не открыли ключом? — спросила я.

Начальник стражи ответил:

— Ключ вставлен изнутри, государыня. Замок старый. Наш ключ не поворачивается.

— А запасной вход?

— Его нет. Окна выходят на обрыв. Кабинет расположен над северной стеной.

Я посмотрела на дверь.

Широкая, дубовая, укрепленная железными полосами.

Неудивительно, что стражникам потребовались инструменты.

— Когда его видели в последний раз?

— Около девятого часа вечера, — сказал Валлен. — Его величество проследовал сюда после ужина.

Я вспомнила, как король жаловался на холодные пальцы.

Как раздраженно оттолкнул кубок.

Как потребовал финансовые книги.

— Он выглядел нездоровым, — сказала я.

Канцлер быстро посмотрел на меня.

— Что вы имеете в виду?

— За ужином жаловался, что мерзнет. Ему было трудно сосредоточиться.

— Вы сообщили лекарке?

— Я предлагала ее позвать. Он отказался.

Валлен поджал губы.

— Государь иногда пренебрегал советами врачей.

Стражники снова ударили в дверь.

На этот раз затрещало дерево.

Один из них подставил плечо.

Раздался громкий сухой треск.
Железная пластина возле замка оторвалась.
Дверь распахнулась внутрь.
Стражники первыми ворвались в кабинет.
Я услышала короткий возглас.
Потом кто-то произнес:
— Лекаря. Немедленно!
Начальник караула загородил проход.
Но дверь осталась открытой.
Я видела письменный стол, высокий шкаф и тяжелое кресло, опрокинутое набок.
На полу возле стола лежал человек.
Темный домашний камзол.
Белая рубашка.
Правая рука вытянута вдоль тела.
Я узнала короля не сразу.
Лицо оказалось повернуто к окну, и свет от настольной лампы падал только на его щеку.
Он лежал совершенно неподвижно.
— Рейнар?
Мое обращение прозвучало негромко.
Никто не ответил.
Один из стражников опустился возле тела.
Приложил два пальца к шее.
Потом посмотрел на начальника караула.
Стражник не отозвался на мое обращение к королю.
— Рейнар! — повторила я громче.
Я попыталась войти, но стражник осторожно придержал меня за локоть.
— Не надо, государыня.
— Уберите руку.
Он сразу отпустил.
Я сделала шаг вперед.
Теперь было видно, что губы короля приобрели темный, почти синеватый оттенок. На виске блестела капля пота. Глаза были закрыты.
Кожа выглядела неестественно бледной.
На полу возле его плеча лежала перевернутая серебряная чернильница.
Чернила растеклись по ковру.
— Он упал? — спросила я.
— Похоже, пытался подняться из-за стола, — ответил начальник стражи.
Его собственный голос был глухим.
В кабинет вошла женщина лет пятидесяти в сером лекарском плаще.
За ней спешил молодой помощник с кожаной сумкой.
— Пропустите, — потребовала она.
Стражники расступились.
Женщина опустилась возле короля.
Сначала осмотрела его лицо, затем проверила пульс.
После этого достала из сумки небольшую стеклянную пластинку и поднесла ее к губам Рейнара.
Подождала.
Еще раз.
Осмотрела пластинку.

На ней не было следов дыхания.

Лекарка убрала ее.

— Когда его нашли?

— Несколько минут назад, госпожа Дорн, — ответил начальник стражи.

Значит, это была Сайра Дорн.

Я слышала ее имя.

Она много лет служила королевскому дому, и именно ее рекомендовали мне на случай болезни после переезда во дворец.

Сайра взяла запястье короля.

Несколько мгновений держала пальцы на его руке.

Потом осторожно отложила ее обратно.

Я заметила, как она сжала губы.

— Что с ним? — спросила я.

Сайра не сразу подняла голову.

— Мне необходимо провести полный осмотр.

— Он жив?

Она посмотрела на меня.

Я уже знала ответ.

По ее лицу, по тому, как притихли люди в комнате. И все же не хотела слышать то, что она собиралась сказать.

— Государыня, — произнесла лекарка. — Мне очень жаль.

Я закрыла глаза.

Только на мгновение.

Когда открыла, Рейнар по-прежнему лежал возле стола.

Весь вечер он раздражался, разговаривал, требовал документы, отдавал приказы.

Несколько часов назад этот человек держал мою руку перед алтарем.

Теперь он был мертв.

И я совершенно не понимала, что должна чувствовать.

Скорбь?

Облегчение?

Страх?

Я не любила Рейнара. Он не был мне близок. Я едва знала его привычки и никогда не слышала, как он смеется от души.

Но я не хотела его смерти.

Особенно такой.

— Может быть, вы ошиблись? — спросила я.

Сайра осторожно поднялась.

— Я бы очень хотела ошибиться.

Она повернулась к канцлеру.

— Ваше превосходительство, необходимо немедленно вызвать храмовых свидетелей. И никому не следует трогать вещи в комнате до завершения осмотра.

Валлен кивнул.

— Разумеется.

Однако сам уже вошел в кабинет.

Он подошел к столу, осмотрел бумаги и опрокинутое кресло.

Затем остановился.

— Что это?

Я проследила за его взглядом.

Возле ножки письменного стола, частично скрытый краем ковра, лежал небольшой серебряный предмет.

Валлен нагнулся.

— Не трогайте! — резко сказала Сайра.

Он замер.

Потом выпрямился и указал на находку начальнику стражи.

— Поднимите. В присутствии свидетелей.

Мне следовало посмотреть на короля.

Или попросить кого-то закрыть ему лицо.

Вместо этого я смотрела на пол.

Серебряная веточка.

Три красных граната.

Средний камень сидел немного криво.

У меня пересохло во рту.

Стражник поднял украшение за край и осторожно положил на чистую салфетку.

— Что это? — спросил Валлен.

Я молчала.

Это была моя брошь.

Та самая, которую мы с Алмой искали перед свадьбой.

Я узнала ее сразу.

У края застежки даже сохранилась тонкая царапина, оставленная много лет назад.

Канцлер смотрел на украшение.

Потом медленно повернулся ко мне.

— Ваше величество?

Мне стало холодно.

Но теперь не от сквозняка.

— Это мое.

Никто не произнес ни слова.

Валлен шагнул ближе.

— Ваше украшение?

— Да.

— Откуда оно здесь?

— Не знаю.

Он посмотрел на брошь.

— Вы были в кабинете его величества?

— Нет.

— Ни сегодня вечером, ни раньше?

— Никогда.

— Тогда как объясните...

— Я сказала, что не знаю.

Я услышала собственный голос и поняла, что говорю слишком резко.

Канцлер не повысил тона.

— Прошу вас, государыня, сохраняйте спокойствие.

Это было самым неприятным, что он мог сказать.

Мой муж лежал мертвым на полу, а в его кабинете обнаружили украшение, пропавшее из моей спальни еще до свадьбы.

И теперь мне предлагали сохранять спокойствие.

— Брошь исчезла сегодня днем, — произнесла я. — Алма знает. Мы искали ее перед церемонией.

— Вы сообщили об этом?

— Пока нет. Я собиралась поговорить с управляющим завтра.

Валлен медленно кивнул.

По тому, как он посмотрел на начальника стражи, я поняла, что мое объяснение ему не понравилось.

Или, напротив, очень понравилось.

Я не могла определить.

— Запишите слова ее величества, — приказал канцлер.

Начальник стражи подозвал писца, который стоял возле двери.

Тот торопливо развернул небольшую записную книжку.

— Что именно записать?

— Что королева признает украшение своим, но не может объяснить, каким образом оно оказалось в личном кабинете государя.

— И что оно исчезло из моей комнаты до свадьбы, — добавила я.

Писец поднял глаза.

Валлен чуть повернул голову.

— Разумеется. Все обстоятельства должны быть зафиксированы.

Мне хотелось отобрать у писца книжку и самой проверить каждое слово.

Вместо этого я заставила себя запомнить его лицо.

Молодой мужчина. Светлые брови. Крошечное родимое пятно возле левого уха.

Позже я обязательно должна была узнать его имя.

Возле стола задвигались.

Один из слуг отступил от небольшой тумбы у окна.

На ней стоял кубок.

Серебряный, с широким основанием.

На дне оставалось немного темного вина.

— Здесь еще напиток, — сказал слуга.

— Не прикасайтесь, — повторила Сайра.

Она подошла к тумбе.

Наклонилась над кубком, не касаясь его.

Я не могла видеть, что она рассматривала, но заметила, как изменилось ее лицо.

— Что там? — спросила я.

— Мне необходимо проверить содержимое.

Валлен шагнул к лекарке.

— Вы подозреваете отравление?

Вопрос прозвучал отчетливо.

Настолько отчетливо, что я невольно повернула голову.

Сайра нахмурилась.

— Я пока ничего не утверждаю.

— Однако смерть государя была внезапной.

— Именно поэтому необходим осмотр.

— И вино, разумеется, следует исследовать.

— Я сама скажу, что следует исследовать, ваше превосходительство.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Затем канцлер чуть склонил голову.

— Не хотел вмешиваться в вашу работу.

Мне показалось, что Сайра собиралась ответить, но промолчала.

Она попросила помощника подготовить чистый сосуд и опечатать кубок до дальнейшей проверки.

За это время в коридоре собралось еще больше людей.

Кто-то уже плакал.

Один из придворных громко требовал позвать верховного настоятеля.

Стражники не пускали никого в кабинет, но поток вопросов не прекращался.

Я посмотрела на тело Рейнара.

Теперь его лицо прикрыли белой тканью.

От этого стало хуже.

До сих пор я могла видеть человека, с которым разговаривала за ужином.

Теперь на полу лежало тело, принадлежавшее государству, закону и будущим распоряжениям дворцовых чиновников.

На секунду мне захотелось приблизиться и убрать ткань.

Не из нежности.

Мне просто требовалось удостовериться, что все это действительно произошло.

Однако я осталась на месте.

— Ваше величество, — обратился ко мне канцлер. — Я вынужден задать вам несколько вопросов.

— Задавайте.

— Когда вы в последний раз разговаривали с супругом?

— Примерно в девять часов, перед его уходом с ужина.

— Наедине?

— Мы стояли возле колонны. Гости были неподалеку.

— О чем шла речь?

— Он сказал, что сегодня вечером будет работать.

— И больше ничего?

— Обещал завтра рассмотреть мои бумаги по Каменному Броду.

Валлен не изменился в лице.

— Ваши финансовые дела?

— Да.

— Вы обсуждали их за ужином?

— Обсуждали.

— Возник спор?

Я посмотрела на него.

— Что вы называете спором?

— Король выразил недовольство вашими требованиями?

— Он сказал, что рассмотрит вопрос завтра.

— Но сначала был недоволен?

— Его величество не любил деловых разговоров за праздничным столом. Это все.

Канцлер медленно провел ладонью по краю плаща.

— Понимаю.

Я начинала понимать тоже.

Письма.

Долги.

Спор за ужином.

Пропавшая брошь, внезапно появившаяся возле мертвого короля.

И кубок, который лекарка решила исследовать.

Все это складывалось в историю, гораздо более удобную для людей, стоявших вокруг, чем та, которую знала я.

— Вы считаете, что я причастна к его смерти? — спросила я.

Канцлер посмотрел прямо мне в глаза.

— Я ничего подобного не говорил.

— Но именно это сейчас выясняете.

— Я исполняю обязанности главы королевской канцелярии. Государь умер при обстоятельствах, которые необходимо установить.

— Тогда выясните, кто заходил сюда.

— Непременно.

— Кто приносил ему вино.

— Разумеется.

— Кто находился возле моей комнаты, когда исчезла брошь.

— И это тоже.

Он сделал небольшую паузу.

— Однако прошу вас понять: все присутствующие обязаны ответить на вопросы. Даже королева.

Я ощутила, как вспыхнуло лицо.

— Не нужно объяснять мне закон, ваше превосходительство.

Он посмотрел на меня с почти незаметным интересом.

— Насколько мне известно, вы хорошо разбираетесь в имущественных договорах. Уголовное право устроено несколько иначе.

— Оно не перестает быть правом от того, что обвиняют неудобного человека.

Седой советник, стоявший неподалеку, кашлянул.

Валлен перестал улыбаться.

— Пока никто вас не обвиняет.

Эти слова прозвучали столь точно, что я впервые по-настоящему испугалась.

Не смерти короля.

Не шести предыдущих жен.

А человека передо мной, который умел делать опасные вещи вежливо, не выдавая собственных намерений.

Через несколько минут меня попросили покинуть кабинет.

К тому времени прибыл храмовый представитель, а писцы уже составляли опись помещения.

Я потребовала, чтобы в ней отдельно указали брошь и обстоятельства ее пропажи.

Валлен заверил, что все будет сделано.

Я ему не поверила.

Но спорить у открытой двери при мертвом муже на полу было бесполезно.

Меня отвели в соседнюю гостиную.

Помещение оказалось небольшим, с тяжелыми темными портьерами и холодным каминном.

На столе стоял поднос с нетронутыми фруктами.

Я присела в кресло, но почти сразу поднялась: не могла найти себе места.

За дверью слышались голоса.

Разговоры становились громче.

Я различала отдельные слова.

«Внезапная смерть».

«Отравление».

«Печатка».

«Свидетели».

Один раз прозвучало мое имя.

Я поднялась и подошла к двери.

Возле нее стоял стражник.

Совсем молодой, лет двадцати.

Он смутился, увидев меня.

— Ваше величество, вам приказано оставаться здесь.

— Кем приказано?

— Канцлером.

— Я должна вернуться в свои покои.

— Мне велено вас не выпускать.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Ты понимаешь, что сейчас сказал?

Он покраснел.

— Простите, государыня. Я не могу нарушить приказ.

— Меня задержали?

— Не знаю.

— Тогда узнай.

Он не сдвинулся с места.

Я шагнула к двери.

Стражник тут же вытянул руку, преграждая проход.

Мы оба замерли.

Он явно не хотел прикасаться ко мне.

Я не хотела вынуждать его это делать.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Лорен, государыня.

— Послушай, Лорен. Я не собираюсь убегать из дворца в ночной рубашке. Мне нужно поговорить с моей горничной и получить одежду. Кроме того, я хочу знать, какие распоряжения отданы в отношении меня.

Он сглотнул.

— Я могу попросить кого-нибудь принести вещи.

— Тогда попроси. И сообщи канцлеру, что я требую официального объяснения.

Лорен помедлил.

Потом кивнул одному из проходивших слуг.

Тот поспешил прочь.

Я вернулась к креслу.

На подлокотнике осталась золотая нить, оторвавшаяся от моей накидки.

Я машинально сняла ее.

Такая мелочь.

Обычно я бы сразу выбросила нитку.

Теперь почему-то положила ее на стол, боясь потерять еще одну вещь, которая принадлежала мне.

Я вспомнила слова Алмы о двух мужчинах возле лестницы.

Вспомнила пропавшую брошь.

Вспомнила, как канцлер стоял рядом с королем во время церемонии и передавал ему печатку.

Нет.

Я заставила себя не строить догадок.

Человек, который раздает государственные документы и подает перстень своему королю, необязательно убийца.

Но кто-то украл мою брошь еще до свадьбы. В этом я не сомневалась.

А затем она оказалась рядом с телом Рейнара.

Я встала и подошла к окну.
С северной стороны дворца открывался вид на темный обрыв.
Глубоко внизу шумела река.
Вода была черной, с редкими серебристыми полосами лунного света.
Если бы я решилась сбежать, отсюда было бы некуда бежать.
Я смотрела на реку, пока за дверью не послышались новые шаги.
Сначала мужские голоса.
Затем короткий приказ.
Стражник выпрямился.
Дверь открылась.
На пороге стоял незнакомый мужчина.
Высокий, широкоплечий, в темном камзоле без золотой вышивки. На поясе висел короткий меч, но никаких знаков королевской стражи я не увидела.
Ему было около сорока.
Темные волосы коротко подстрижены, лицо усталое, с резкими скулами и прямым носом.
Взгляд серых глаз был спокойным, почти неприятно внимательным.
Мужчина не смотрел на мое ночное одеяние.
Не разглядывал украшения.
Он сразу посмотрел мне в лицо.
— Лиана Вейр?
Я медленно повернулась.
— Королева Лиана Арвель, если вы не возражаете.
Он не смутился.
— Простите, ваше величество.
Поклонился.
Не слишком низко.
За его спиной показался Валлен.
— Позвольте представить вам Эдрика Морна.
Имя мне ничего не сказал.
Но я заметила, как изменилось выражение лица молодого стражника.
Лорен отвел глаза.
Канцлер продолжил:
— Господин Морн состоит на службе королевского суда.
Я посмотрела на незнакомца.
— В каком качестве?
Ответил он сам.
— Я исполняю судебные приговоры.
Поначалу я не поняла.
Потом посмотрела на меч.
На темный камзол.
На лишённые украшений руки.
И вспомнила, как в столице называли человека, которому поручали самые тяжёлые наказания.
Королевский палач.
Я почувствовала раздражение раньше, чем страх.
— Зачем здесь палач?
Морн не ответил.
Он посмотрел на канцлера.
Тот сделал шаг вперед.

— В соответствии с обычаями королевства после смерти монарха устанавливается особый порядок охраны дворца.

— И для этого требуется палач?

— Господин Морн несет ответственность за лиц, переданных под стражу королевскому суду.

Я медленно перевела взгляд на Валлена.

— Каких лиц?

Он помолчал.

— Вас, государыня.

Несколько мгновений я не могла заставить себя заговорить.

— На каком основании?

— Обстоятельства смерти его величества требуют тщательного расследования.

— Мне уже говорили.

— В его личном кабинете найдено ваше украшение.

— Которое украли до свадьбы.

— Это еще предстоит подтвердить.

— Спросите Алму.

— Мы обязательно ее допросим.

— Тогда какого черта здесь делает палач?

Валлен чуть выпрямился.

Кажется, моя грубость ему не понравилась.

Мне было все равно.

— Вы должны понимать, что смерть короля нельзя рассматривать как обычное происшествие, — сказал он. — Пока будет идти разбирательство, вы не сможете свободно передвигаться по дворцу.

— Вы обвиняете меня в убийстве мужа?

— Я сказал, что проводится расследование.

— Нет. Вы прислали человека, который казнит преступников. И предлагаете считать это обычной мерой предосторожности.

Он не ответил сразу.

Морн все это время стоял молча.

Я заметила, что на его правом предплечье из-под края рукава виднелся старый неровный шрам.

Когда канцлер наконец заговорил, голос его стал холоднее.

— Ваша вспыльчивость не помогает делу, государыня.

— А ваша вежливость не делает происходящее законным.

— Я полагаю, вы не намерены сопротивляться.

— Сопротивляться чему?

Валлен кивнул Морну.

— Вы знаете свои обязанности.

Палач не сдвинулся с места.

— Мне нужен письменный приказ, — сказал он.

Я посмотрела на него.

Канцлер тоже.

— Приказ будет передан вам немедленно, — ответил Валлен.

— С указанием основания содержания под стражей и должностного лица, принявшего решение.

— Вы сомневаетесь в моих полномочиях, Морн?

— Я не обсуждаю ваши полномочия. Я прошу документ, который должен исполнять.

Несколько секунд они молчали.

Потом канцлер повернулся к слуге.

— Принесите распоряжение.

Тот поспешил прочь.

Я не знала, что думать о человеке, который только что потребовал соблюдения закона, хотя пришел охранять меня по приказу канцлера.

Возможно, он просто боялся неправильно оформить собственную работу.

Меня это мало утешало.

— Я требую встречи с храмовым судьей, — сказала я.

Валлен посмотрел на меня.

— Завтра.

— Почему не сейчас?

— Ночь, государыня. Даже храмовые судьи должны иногда спать.

— Моего мужа только что нашли мертвым. А меня уже решили запереть. Полагаю, сегодня подходящая ночь для того, чтобы кто-нибудь из них проснулся.

Морн чуть повернул голову.

Его лицо осталось невозмутимым.

Но я заметила, что он внимательно слушает.

— Ваше требование передадут, — сказал канцлер.

— Запишите его.

— Что?

— Мое требование. Пусть писец запишет, что я попросила встречи с независимым судьей до того, как меня поместили под стражу.

Валлен медленно выдохнул.

— Вы уверены, что сейчас стоит заниматься подобными вещами?

— Совершенно.

Он смотрел на меня еще несколько мгновений.

Потом произнес:

— Хорошо.

Я не сомневалась, что после сегодняшней ночи он меня возненавидит.

Возможно, уже ненавидел.

Но мне неожиданно стало легче от того, что я хотя бы сумела заставить его записать несколько слов.

Принесли приказ.

Канцлер передал документ Морну.

Тот прочитал его внимательно, от начала до конца.

Не пробежал глазами.

Не сложил сразу.

Даже задержался на последнем абзаце.

— Здесь указано, что ее величество находится под подозрением в причастности к смерти монарха, — произнес он.

— Верно.

— Но нет решения о признании виновной.

— Разумеется, нет. Следствие только началось.

— Тогда режим содержания должен соответствовать предварительному задержанию. Без применения кандалов и иных мер, предназначенных для осужденных.

Канцлер чуть приподнял брови.

— Вы всегда настолько щепетильны?

— Когда речь идет о моей службе.

Мне не понравилось это объяснение.

Но я запомнила его.

Палач вновь сложил документ.

Потом повернулся ко мне.

— Ваше величество, я должен проводить вас в помещения, отведенные для содержания под стражей до судебного решения.

— Это тюрьма?

— Отдельные комнаты в восточном крыле.

— С решетками?

— На окнах нет решеток.

— А на дверях?

Он выдержал мой взгляд.

— Двери будут охраняться.

По крайней мере, он не пытался меня обманывать.

Валлен уже собирался уйти, когда я окликнула его.

— Ваше превосходительство.

Он остановился.

— Да?

— Мои вещи останутся нетронутыми?

— Разумеется.

— И Алма сможет поговорить со мной?

— После того как ее опросят.

Я кивнула.

— Еще один вопрос.

Канцлер выглядел так, будто готов был отказаться от всякой вежливости.

— Слушаю.

— Когда сообщат людям о смерти короля?

Он удивился.

— На рассвете будет сделано официальное объявление.

— И что в нем скажут обо мне?

— Пока ничего.

— Пока?

— Следствие должно установить обстоятельства.

Я посмотрела ему в глаза.

— Тогда проследите, чтобы до этого никто не объявил меня убийцей.

Валлен не ответил.

Он слегка поклонился и вышел.

Дверь закрылась.

Остались Морн, молодой стражник и я.

Некоторое время никто не говорил.

Потом палач произнес:

— Вам понадобится верхняя одежда. В восточном крыле прохладно.

Я посмотрела на него.

— Вы сейчас беспокоитесь, чтобы я не замерзла?

— Я сообщаю вам, что там холодно.

— Очень любезно.

Он не стал спорить.

— Можете взять личные вещи. Их осмотрят в вашем присутствии.

— Если я откажусь идти?

— Тогда мне придется вызвать стражу.

— А если закричу?

— Люди уже не спят.

Я невольно посмотрела на него внимательнее.

Морн произнес это без насмешки.

Кажется, он просто отвечал на вопросы.

— Вы хотя бы понимаете, что я ничего не сделала?

Он помолчал.

— Я не знаю, что произошло в королевском кабинете.

— Но вы видели моего мужа?

— Да.

— И знаете, что он мертв.

— Да.

— Значит, можете понять, что я сейчас чувствую?

Впервые выражение его лица изменилось.

Совсем немного.

— Нет, ваше величество. Не могу.

Я растерялась от такого ответа.

— Почему?

— Потому что я не знаю вас.

Это прозвучало неприятно.

И честно.

Я отвернулась.

За окном все еще темнело небо, хотя до рассвета оставалось несколько часов.

Утром служители должны были объявить смерть короля.

В Каменном Броде управляющий продолжал ждать моего письма.

Алма наверняка уже искала меня по дворцу и требовала объяснить, почему ее не пускают к хозяйке.

А в королевском кабинете лежала моя брошь.

Небольшая серебряная веточка, которую кто-то забрал из шкатулки, пока меня готовили к свадьбе.

Я вдруг отчетливо вспомнила, как перед свадьбой выбирала место для нее на платье.

Как Алма открыла шкатулку и обнаружила пустое отделение.

Как мы решили не устраивать скандал из-за недорогого украшения.

Возможно, именно тогда и началось все, что случилось сегодня.

Не в момент смерти Рейнара.

Не за свадебным столом.

Гораздо раньше.

— Мы можем идти? — спросил Морн.

Я повернулась к нему.

— Вы верите в королевское проклятие?

Он посмотрел на меня с явным недоумением.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я видел достаточно обычных человеческих преступлений. Для большинства из них проклятия не нужны.

Я медленно кивнула.

Мне хотелось спросить, относит ли он смерть моего мужа к таким преступлениям.

Но вместо этого я сказала:

— Тогда запомните кое-что, господин Морн.

— Слушаю.

— Я не убивала короля.

Он молчал.

— Я согласилась на этот брак не ради власти. Мне нужна была только отсрочка взыскания долга. Я собиралась завтра поговорить с ним, показать документы и вернуться к своим делам.

Морн продолжал смотреть на меня.

— А теперь мой муж мертв, меня держат под стражей, и единственная вещь, которую я потеряла еще до свадьбы, каким-то образом оказалась возле его тела.

Я сделала шаг ближе.

— Кто-то устроил это, господин Морн. И я намерена выяснить кто.

Он не отвел взгляда.

— Тогда вам придется действовать осторожно.

— Это угроза?

— Совет.

— Не очень приятный.

— Другого у меня нет.

Я хотела ответить резко, но передумала.

Он открыл дверь и отступил, пропуская меня вперед.

Я вышла в коридор.

Стражники расступились.

Из северного крыла по-прежнему доносились голоса. За дверями продолжалось расследование, к которому меня уже не допускали.

На лестнице было холодно.

Я крепче запахнула накидку.

Морн шел на шаг позади.

Мне хотелось оглянуться, но я заставила себя смотреть вперед.

Три недели назад я приехала в столицу просить короля остановить взыскание долга.

Сегодня вышла за него замуж.

К полуночи стала вдовой.

А теперь меня сопровождал палач.

Когда мы свернули в восточное крыло, я услышала, как за моей спиной закрылись тяжелые двери.

Железный засов вошел в паз с коротким металлическим стуком.

И только тогда я окончательно поняла, насколько мало значили мои вчерашние заботы.

Мне больше не нужно было искать способ договориться с мужем.

Теперь требовалось доказать, что я его не убивала.

Причем сделать это следовало раньше, чем люди, которые подбросили мою брошь, успеют решить, что от седьмой королевской жены тоже пора избавиться.

Глава 2. Семь дней до суда

К утру я выяснила три вещи.

Первое: королевский палач не носил маску. Во всяком случае, человек, которому поручили меня охранять, совершенно спокойно показывал лицо.

Второе: в восточном крыле дворца действительно было холодно. Настолько, что вода в умывальном кувшине за ночь стала ледяной.

И третье: после смерти мужа женщина могла остаться королевой, но потерять право самостоятельно открыть собственную дверь.

Я проверила последнее дважды.

Первый раз около четырех часов утра, когда попросила пропустить ко мне Алму.

Второй — после рассвета, когда захотела узнать, кто распорядился запереть соседнюю галерею.

Оба раза получила одинаковый ответ.

— До распоряжения господина Морна выходить запрещено.

За дверью стоял молодой стражник, представившийся Риком. Он произносил каждую фразу с таким старанием, будто перед ним лежал лист с заученными ответами.

— А если мне понадобится лекарь? — спросила я.

— Я позову.

— Если захочу помолиться?

— Передам просьбу.

— Если начнется пожар?

Рик замялся.

— Тогда... наверное, выведем, ваше величество.

— Обнадёживает. Хотя хотелось бы услышать что-нибудь определеннее.

Я тихо закрыла дверь: стражник явно не был виноват в том, что мое утро превратилось в бесконечные переговоры с караулом.

Мне отвели две комнаты: спальню и маленькую гостиную с узким письменным столом. Окна выходили в сад, где росли старые липы. За деревьями виднелась крепостная стена.

В спальне стояла удобная кровать, рядом с ней — медный таз и кувшин. В гостиной имелись кресла, шкаф с несколькими книгами и камин, который, судя по количеству золы, давно не растапливали.

Не темница.

Но если бы я решила уйти, дверь пришлось бы выбивать.

На столе лежала вчерашняя накидка. Слуги успели перенести мои вещи, пока я сидела возле холодного камина и пыталась понять, зачем в королевском кабинете оказалась материнская брошь.

Большую часть ночи я не спала.

В голове снова и снова возникал свадебный ужин.

Рейнар отодвигал кубок, раздраженно растирал пальцы, требовал у канцлера финансовые книги. Потом уходил, оставив меня среди гостей.

Я старалась вспомнить каждую подробность. Не потому, что надеялась найти разгадку за несколько часов, а потому, что боялась забыть что-нибудь важное.

К примеру, был ли король уже нездоров, когда говорил о северной дороге?

Кто последним подходил к нему за ужином?

Пил ли он вино после разговора с канцлером?

И почему свадебная печатка так неприятно оцарапала ему руку?

Последнее воспоминание казалось совершенно незначительным.

У старых украшений часто бывали неудобные оправы. Сам мой отец много лет носил кольцо с треснувшим камнем и отказывался отдавать его мастеру.

Но Рейнар не просто поморщился.

Он выругался.

А потом долго растирал пальцы.

Я записала это на обороте приглашения на свадьбу.

Другой бумаги в комнате не оказалось.

Приглашение лежало среди моих вещей, перевязанных дорожной лентой. На лицевой стороне золотыми буквами было выведено имя короля и мое новое имя.

Лиана Арвель.

Я перевернула лист и продолжила писать.

Без красивых выражений. Только факты.

Вечер. Подписание договора. Перстень на правой руке. Повреждение пальца. Жалобы на холод. Разговор о финансовых книгах. Уход в кабинет.

Потом отдельно:

Брошь пропала до свадебной церемонии.

Это было особенно важно.

Если кто-нибудь попытается утверждать, что я оставила украшение в кабинете мужа, ему придется объяснить, почему следует отвергнуть свидетельство Алмы о пропаже.

Я еще раз перечитала записи и спрятала бумагу в подкладку дорожной сумки.

За дверью послышались шаги.

Затем голос Рика:

— Господин Морн.

Я обернулась.

Вошел королевский палач.

Сегодня на нем был тот же темный камзол, только без меча. Волосы слегка растрепались, под глазами появились тени. Похоже, он тоже не спал.

В руках он держал поднос.

— Доброе утро, ваше величество.

— Не уверена, что оно доброе.

— Завтрак.

Он поставил поднос на стол.

Хлеб, горячая каша, два вареных яйца и чай.

Я посмотрела на еду.

— Вы всегда сами приносите завтрак заключенным?

— Нет.

— Значит, мне оказали особую честь?

— Слуга, который должен был принести поднос, побоялся входить.

— Меня?

— Меня.

Я подняла глаза.

Морн произнес это так спокойно, что сначала я не поняла, шутит он или нет.

— И вы решили избавить его от неприятного знакомства?

— Решил, что вам следует поесть.

Я села к столу.

— Вчера мне тоже советовали соблюдать спокойствие и беречь здоровье. Теперь вы предлагаете кашу. Удивительно заботливые люди работают при королевском дворе.

Он не ответил.

Я взяла ложку, но есть не стала.

— Когда меня выпустят?
— До решения суда вы останетесь под стражей.
— Суд уже назначен?
— Совет собирается утром.
— А обвинение предъявлено?
— Формальное обвинение будет рассмотрено после заключения лекарей и допроса свидетелей.
— Тогда почему я здесь?
— Вы задержаны как лицо, в отношении которого ведется расследование смерти монарха.
— Я помню текст распоряжения. Меня интересует основание, а не название процедуры. Морт посмотрел на меня внимательнее.
— В кабинете нашли ваше украшение.
— Которое украли.
— Вы утверждаете, что его украли.
— Моя горничная подтвердит.
— Ее уже вызвали для дачи показаний.
Я отложила ложку.
— Где Алма?
— В западном крыле. Насколько мне известно, ее не задерживали.
— Тогда почему она не пришла?
— Ей не разрешили посещение до первого опроса.
— Кто не разрешил?
— Канцелярия.
Я невесело усмехнулась.
— Разумеется.
Морт стоял возле стола, не пытаясь приблизиться.
Я заметила, что у него на правой руке, чуть выше запястья, виднелся старый шрам. Широкий, неровный, словно кожу когда-то разрезали и плохо зашили.
Он перехватил мой взгляд и опустил рукав.
Я отвернулась.
— Мне нужны бумага, чернила и копия распоряжения о задержании.
— Зачем?
— Чтобы изложить свои требования письменно.
— Какие именно?
— Во-первых, встреча с представителем храмового суда. Во-вторых, независимый осмотр тела короля. В-третьих, проверка списка людей, входивших в мои комнаты до свадьбы.
Морт некоторое время молчал.
— Независимый осмотр тела?
— Да.
— Государя уже осматривала дворцовая лекарка.
— Которая много лет служит двору, сейчас ведущему расследование.
— Это серьезное утверждение.
— Я никого не обвиняю. Но предпочла бы, чтобы причину смерти определяли не только люди королевской канцелярии.
Он медленно кивнул.
— Я передам ваше прошение.
— Нет.
Он посмотрел на меня.

— Что именно?

— Вы принесете бумагу. Я сама напишу, чего требую. Вы отнесете документ тому, кто обязан его рассмотреть, а мне вернете подтверждение о получении.

— Вы привыкли составлять такие заявления?

— Три года спорю с королевской казной. Если бы за каждое прошение мне выдавали серебряную монету, я давно расплатилась бы с долгами.

Морн посмотрел на меня с заметным интересом.

— Хорошо. Бумагу принесут.

— И копию приказа.

— Тоже.

Он направился к двери.

— Господин Морн.

Палач остановился.

— Да?

— Вы видели тело короля?

— Видел.

— Лекарка уже объявила его мертвым?

— Когда меня вызвали, да.

— А украшения на его руках?

Он нахмурился.

— Какие именно?

— Свадебное кольцо и королевская печатка.

— Вы хотите знать, были ли они на нем?

— Именно.

Морн помолчал.

— Я не могу уверенно ответить. Когда я вошел, его руки были частично закрыты тканью.

— А печатку вы потом видели?

— Нет.

Я внимательно посмотрела на него.

— Странно.

— Почему?

— Потому что король носил ее при подписании договора. Насколько мне известно, передачу государственной печати должны записывать.

— После смерти монарха регалии переходят под охрану совета.

— Значит, должен существовать документ о передаче.

— Должен.

— И вы не знаете, где он?

— Нет.

Я кивнула.

— Тогда добавьте это к моим требованиям.

Морн не спешил уходить.

— Ваше величество, я обязан предупредить: если вы будете оспаривать каждое действие канцелярии, расследование станет для вас сложнее.

— Потому что им не понравится?

— Потому что люди, чьи решения проверяют, редко охотно помогают проверяющим.

— А вы?

— Что я?

— Вам нравится, когда проверяют ваши решения?

Он посмотрел на меня без улыбки.

— Нет.

— По крайней мере, вы ответили честно.

Морн открыл дверь.

— Поешьте, пока не остыло.

Когда он ушел, я наконец взялась за ложку.

Каша оказалась слегка пересоленной.

За годы ведения хозяйства мне приходилось завтракать чем угодно, но сегодня даже простая еда давалась с трудом.

Я съела несколько ложек, выпила чай и принялась ждать бумагу.

К девятому часу во дворце начали звонить колокола.

Сначала в главной часовне.

Потом на башнях.

Затем звук подхватили городские храмы.

Тяжелые удары следовали один за другим, с длинными промежутками. Их было слышно даже сквозь толстые стены восточного крыла.

Я стояла у окна и считала.

О смерти короля объявили официально.

Я представляла, как за пределами дворца люди прекращают работу, закрывают торговые лавки, снимают праздничные украшения.

Кто-то наверняка уже рассказывал соседям о проклятии.

Кто-то вспоминал предыдущих жен.

А кто-то интересовался, успела ли седьмая королева пережить первую брачную ночь.

Я подумала о Каменном Броде.

Когда известие достигнет нашего поселка, управляющий первым делом отправит мне письмо. Потом соберет арендаторов и попытается объяснить, что будет с долгами.

Алма обычно помогала мне составлять ответы.

Теперь даже это казалось недоступной роскошью.

В комнату вошла служанка с дровами.

Молодая, бледная, с двумя длинными косами.

Она старательно не смотрела мне в глаза.

— Камин можно растопить? — спросила я.

Девушка вздрогнула.

— Конечно, государыня.

Она опустила на колени и принялась укладывать поленья.

Руки у нее дрожали.

— Как тебя зовут?

— Мира.

— Давно служишь во дворце?

— Третий год.

— Тогда ты наверняка знаешь, где достать нормальные чернила.

Она подняла голову.

— Чернила?

— Да. И бумагу, пожалуйста: от приглашения уже ничего не осталось.

Девушка растерянно улыбнулась.

— Я попрошу у писаря.

— Спасибо.

Она развела огонь, поднялась и направилась к двери.

У самого выхода вдруг остановилась.

— Ваше величество...

— Да?

Мира смотрела на меня с явной тревогой.

— Лучше сегодня никому не открывайте, если не знаете, кто пришел.

Я выпрямилась.

— Почему?

Она сразу опустила глаза.

— Простите. Я сказала глупость.

— Нет. Объясни.

— Просто во дворце сейчас... все очень расстроены.

— Кто именно?

Девушка покачала головой.

— Мне нужно идти.

Она почти выбежала.

Я осталась возле камина.

Мне не понравился ее совет.

Еще меньше понравилось, что она испугалась собственных слов.

Я подошла к двери.

За ней снова стоял Рик.

— Кто назначает слуг в эти комнаты? — спросила я.

— Не знаю, государыня.

— А кто приказал принести дрова?

— Дворцовый управляющий.

— Передай господину Морну, что мне необходимо поговорить с ним.

Рик кивнул.

Я вернулась к столу.

Нужно было выяснить, кто руководил прислугой и разрешал входить в мои прежние покои.

Но сначала следовало добиться права задавать вопросы.

Бумагу принесли ближе к полудню.

Вместе с чернилами я получила копию приказа о задержании.

Документ был составлен тщательно.

В нем не называли меня убийцей.

Не утверждали, что король отравлен.

Но перечисляли обстоятельства, достаточные, по мнению канцелярии, для ограничения моей свободы.

Семейные имущественные споры.

Разногласия между супругами за свадебным ужином.

Обнаружение личного украшения королевы в кабинете покойного.

Возможное присутствие ядовитого вещества в оставшемся вине.

Я перечитала последнее предложение дважды.

Возможное присутствие.

Не доказанное.

Даже лекарка еще не подтвердила, что в кубке был яд.

Но писарь уже превратил предположение в часть официального основания для задержания.

Я положила документ на стол.

Потом взяла чистый лист.

Начала с обращения к чрезвычайному королевскому совету и храмовому суду.

Я не просила сочувствия и не писала о том, как страшно мне было ночью.

Указала время исчезновения броши. Потребовала допросить Алму, портниху и слуг, находившихся в западных покоях.

Отдельно отметила, что разговор за ужином завершился обещанием короля рассмотреть документы на следующее утро, а не угрозами или ссорой.

Затем перешла к осмотру тела.

Попросила допустить независимого храмового лекаря, зафиксировать состояние рук, возможные повреждения кожи и следы неизвестных веществ.

Потребовала сохранить вещи, находившиеся на короле в момент обнаружения, и представить подписанную опись всех предметов, снятых с тела.

Последним пунктом указала королевскую печатьку.

Я перечитала написанное.

Получилось почти три страницы.

В Каменном Броде на подобные прошения управляющий смотрел с тревогой. Говорил, что чиновники не любят, когда простые землевладельцы требуют подробных ответов.

Отец когда-то учил меня другому.

Если человек принимает решение, которое лишает тебя денег, земли или свободы, он должен хотя бы суметь объяснить его письменно.

Я взяла второй лист и приготовила копию.

На середине работы открылась дверь.

Вошла женщина в темном платье с серебряной храмовой пряжкой на груди.

Ей было около пятидесяти, волосы скрывал плотный платок.

За ней следовал молодой писец.

— Ваше величество, — сказала она, поклонившись. — Меня зовут Ирма Сольт. Я старший секретарь храмового суда.

Я поднялась.

— Вы пришли по моему требованию?

— Да. Храмовый суд получил уведомление о вашем задержании.

— Тогда, полагаю, вы знаете, что я требую независимого разбирательства.

— Именно для этого я здесь.

Она села только после моего приглашения.

Писец остался возле двери.

Ирма положила на стол небольшую кожаную папку.

— Прежде чем принять заявление, мне необходимо разъяснить порядок чрезвычайного суда.

— Слушаю.

— После смерти монарха без признанного наследника временную власть принимает государственный совет. На седьмой день созывается суд трех печатей.

Я кивнула.

О существовании такого суда я знала, хотя прежде никогда не присутствовала на его заседаниях.

— Кто ставит печати?

— Представитель королевской власти, представитель храма и представитель торгово-земельных гильдий.

— Канцлер контролирует первую.

Ирма посмотрела на меня поверх папки.

— Сейчас он представляет государственный совет. Но не весь суд.

— Для решения достаточно двух печатей?

— Для некоторых чрезвычайных распоряжений — да. В частности, для сохранения доказательств и привлечения независимых свидетелей.

Я придвинула к ней написанное заявление.

— Прекрасно.

Она прочитала две страницы, на третьей остановилась.

— Вы требуете осмотра тела короля до начала погребальных приготовлений?

— Да.

— Его величество уже осмотрен придворной лекаркой.

— Я знаю. Именно поэтому прошу второго специалиста.

— Вы подозреваете ошибку?

Я задумалась.

— Не исключаю ее.

— Это разные вещи.

— Согласна. Поэтому и не пишу, что придворная лекарка ошиблась. Я прошу независимой проверки.

Ирма снова опустила взгляд на документ.

— Вы разбираетесь в порядке подачи прошений?

— В имущественных делах.

— Здесь вам придется учитывать уголовное право.

— Тогда объясните, где я ошиблась.

Она внимательно посмотрела на меня.

Потом закрыла папку.

— Пока нигде.

Я не ожидала такого ответа.

— Значит, заявление примут?

— Я обязана зарегистрировать его. Но решение принимает храмовый судья.

— Когда?

— Сегодня.

— Мне выдадут подтверждение?

— Разумеется.

Я почувствовала настоящее облегчение.

Ирма взяла перо, записала время приема и поставила небольшую печать на моем экземпляре.

Я спрятала бумагу под ладонь.

— Еще один вопрос.

— Да?

— Меня могут признать виновной просто потому, что никто не найдет другого убийцу?

Секретарь ответила не сразу.

— Нет, государыня. По закону обвинение должно доказать вашу причастность.

— Даже если речь идет о короле?

— Закон о цареубийстве строже многих других, но он не отменяет необходимость доказательств.

— Тогда зачем назначен суд именно на седьмой день?

— Это чрезвычайный порядок. Государство не может надолго оставаться без признанного правителя. Суд должен установить обстоятельства смерти, определить правовой статус вдовы и решить вопрос о дальнейшем управлении королевством.

— За семь дней?

— Закон древний. Его составляли люди, которые больше всего боялись междоусобиц.

Я посмотрела на нее.

— Похоже, они не слишком боялись ошибочных приговоров.

Ирма сложила руки.

— Иногда эти опасения совпадают, ваше величество.

Мне понравилось, что она не пыталась представить порядок безупречным.

— Значит, у меня есть шесть дней, чтобы разобраться в смерти мужа?

— До заседания — да. Но не рассчитывайте, что разбирательство обязательно закончится за один день.

Я вспомнила лицо Валлена.

— А если канцлер потребует немедленного приговора?

— Ему понадобится согласие остальных судей.

— Он способен его получить?

Ирма немного помолчала.

— Я не могу отвечать за чужие решения.

Это был осторожный ответ.

Я его поняла.

— Спасибо за откровенность.

Она поднялась.

— Сегодня во дворце будет оглашено распоряжение о чрезвычайном суде. Совет также определит порядок прощания с королем.

— Когда похороны?

— Прощание назначено на завтра. После него тело перенесут в усыпальницу до окончательного решения о погребении.

— Тогда осмотр необходим сегодня.

— Я передам ваше требование немедленно.

Когда секретарь собиралась уйти, я остановила ее.

— Госпожа Сольт.

Она обернулась.

— Слушаю.

— Вы были знакомы с прежними супругами короля?

Вопрос явно застал ее врасплох.

— С некоторыми.

— Их тоже осматривали перед похоронами?

— Я не занималась такими делами.

— Но вы присутствовали при оформлении документов?

Ирма внимательно посмотрела на меня.

— Почему вы спрашиваете?

Я вспомнила шесть светлых плит в часовне.

— Потому что в этом дворце слишком часто умирают королевы.

Секретарь ничего не ответила.

Но перед уходом еще раз взглянула на мое заявление.

Особенно на пункт о независимом осмотре.

Алму привели после полудня.

Я услышала ее голос еще из коридора.

— Если вы намерены проверять каждую булавку, принесенную госпоже, начинайте с портних. Они принесли столько железа, что хватило бы на небольшой забор!

— Госпожа, прошу вас, — пытался остановить ее мужчина.

— Я не закончила.

Дверь распахнулась.

Алма вошла с дорожным узелком в руках и таким выражением лица, что даже стражник поспешил отступить.

Она остановилась, увидев меня.

— Госпожа.

В следующий миг уже стояла рядом.

Я обняла ее.

Не помню, когда в последний раз делала это так крепко.

Алма сначала замерла, потом осторожно погладила меня по спине.

— Ну, ну. Я здесь.

— Тебя не обидели?

— Попробовали бы.

Я отстранилась.

Она внимательно осмотрела мое лицо.

— Вы не спали.

— Немного.

— Врете.

— Совсем чуть-чуть.

— Ели?

— Да.

Алма посмотрела на стоявший поднос.

— Три ложки каши не считаются.

Я неожиданно, совсем неуместно рассмеялась.

Но после бессонной ночи услышать ее привычное недовольство оказалось почти счастьем.

За Алмой вошел невысокий чиновник с круглым лицом.

— Госпожа Вейр, посещение разрешено на четверть часа.

Я повернулась к нему.

— Королева Лиана Арвель. И мы закончим разговор тогда, когда я получу ответы на вопросы.

Чиновник нахмурился.

— Мне поручено...

— Тогда передайте поручившему, что я требую присутствия моей горничной при опросе о пропавшем украшении.

— Ее уже опросили.

— Без меня. Теперь необходимо уточнить обстоятельства.

Он посмотрел на Алму.

Та скрестила руки.

— Я с удовольствием повторю. Хоть десять раз.

Чиновник тяжело вздохнул.

— Хорошо. Но только при свидетеле.

— Пусть остается, — сказала я.

Он уселся возле двери и приготовил записи.

Алма достала из узелка чистое платье.

Темно-синее, скромное, с плотными рукавами.

— Ваше свадебное убрали, — сказала она. — Я не позволила никому трогать дорожный сундук без описи.

— Правильно.

— А брошь?

Я посмотрела на чиновника.

— Ее нашли в кабинете короля.
Алма побледнела.
— Что?
— Возле письменного стола.
— Но ее же украли!
Чиновник быстро заскрипел пером.
Я положила ладонь на руку Алмы.
— Расскажи еще раз, когда ты видела украшение.
Она сглотнула.
— Вчера утром. Я открывала шкатулку, чтобы подготовить серьги, и положила брошь в верхнее отделение.
— Кто после этого заходил?
— Портнихи. Две служанки с чистым бельем. Девушка, приносившая ленты. И распорядитель.
— Кто оставался в комнате один?
— Девушка с лентами. Я выходила за водой.
— Сколько времени тебя не было?
— Не больше пяти минут.
— А где была я?
— В соседней комнате. Портниха мерила подол.
Я повернулась к чиновнику.
— Запишите.
Он поднял голову.
— Все записываю.
— Включая то, что брошь исчезла до начала церемонии.
— Разумеется.
Алма наклонилась ко мне.
— Госпожа, вы думаете, это девушка?
— Пока не знаю.
— Я ее запомнила.
— Ты говорила о светлых волосах и заплатке на рукаве.
— Да. Еще у нее была тонкая серебряная цепочка на шее. С маленькой круглой подвеской.
— Имя?
— Не представилась.
Я посмотрела на чиновника.
— Есть список служанок, работавших вчера в западных покоях?
— Наверняка у дворцового управляющего.
— Тогда потребуйте его.
Он кашлянул.
— Ваше величество, подобные распоряжения должны проходить через канцелярию.
— Поэтому вы здесь и сидите. Передайте мое требование.
Алма тихо хмыкнула.
Я сделала вид, что не услышала.
— И еще, — продолжила она. — Перед свадьбой я записала всех, кто заходил к вам.
— Я помню.
— Книжку у меня отобрали.
Я медленно повернула голову.
— Кто?

— Те, что допрашивали. Сказали, нужно проверить записи.
— У тебя есть подтверждение изъятия?
Алма посмотрела на меня.
— Какое еще подтверждение?
— Бумага, на которой указано, что они взяли твою вещь.
Она покачала головой.
Я обратилась к чиновнику:
— Верните ее книжку либо оформите изъятие по правилам. При свидетеле.
Тот перестал писать.
— Но...
— Там содержатся записи о пропавшей броши, сделанные до смерти короля. Это доказательство, которое может подтвердить мои слова.
Чиновник перевел взгляд с Алмы на меня.
— Я передам.
— Письменно.
Он раздраженно сжал губы.
— Как пожелаете.
Я заметила, что Алма едва удерживается от комментария.
При иных обстоятельствах мне было бы смешно.
Сейчас я боялась, что ее записи исчезнут так же легко, как брошь.
— Кто тебя допрашивал? — спросила я.
— Двое. Один в зеленом камзоле, другой пожилой, с бородой. Оба из канцелярии. Пожилой все спрашивал, часто ли вы сердились на короля.
— И что ты ответила?
— Что вы с ним знакомы три недели и за это время успели рассердиться меньше, чем за один день на налогового сборщика.
Я прикрыла рот ладонью.
Чиновник у двери недовольно посмотрел на нас.
Алма повернулась к нему.
— Можете записать.
— Уже записал, — сухо ответил тот.
Мы обе замолчали.
Потом я взяла Алму за руку.
— Послушай внимательно. Если кто-нибудь потребует от тебя изменить показания, сразу сообщи храмовому суду.
— Я ничего менять не собираюсь.
— Знаю. Но будь осторожна.
Впервые за весь разговор она посмотрела на меня без привычной уверенности.
— Госпожа, вы ведь не останетесь здесь надолго?
Я хотела ответить, что нет.
Что через несколько дней все выяснится.
Что королевский суд не может ошибиться настолько серьезно.
Но после ночи, проведенной под стражей, эти обещания казались глупыми.
— Я постараюсь, — сказала я.
Алма крепче сжала мою руку.
— Тогда я останусь во дворце.
— Даже если тебе предложат уехать?
— Особенно если предложат.
Чиновник поднялся.

— Время вышло.

Я посмотрела на него.

На этот раз спорить не стала.

Мне еще нужно было разобраться, кто распоряжается записями Алмы и где они находятся.

А ей требовалось хотя бы немного свободы.

Когда дверь закрылась, я впервые с момента смерти Рейнара почувствовала настоящее одиночество.

Около трех часов дня меня вызвали в малый зал совета.

Мне предстояло выслушать официальное распоряжение.

Меня сопровождали Морн и двое стражников.

По дороге я заметила, что дворец изменился.

Свадебные гирлянды исчезли.

Слуги снимали белые ткани со стен, заменяя их темными полотнищами.

На дверях некоторых залов уже висели траурные ленты.

Коридоры пахли воском и свежей тканью.

Люди, встречавшиеся нам, склоняли головы.

Большинство старалось не смотреть в мою сторону.

Один молодой придворный, увидев Морна, поспешно свернул в боковой проход.

— Вас здесь не любят, — заметила я.

Палач посмотрел на меня.

— Работа не предполагает популярности.

— Наверное, на праздники вас тоже не приглашают.

— Не указывают.

Я посмотрела на него.

Он даже не улыбнулся.

— Вы умеете шутить, господин Морн?

— Иногда.

— Незаметно.

— Обычно.

Я отвернулась, чтобы скрыть невольную улыбку.

Разговор не делал мое положение лучше.

Но хотя бы на несколько мгновений позволял не думать о том, куда меня ведут.

Перед дверями малого зала стояли представители дворцовой стражи.

Один из них открыл створку.

Внутри находились семь мужчин и две женщины.

За длинным столом сидел Валлен.

Справа от него — старший храмовый судья, пожилой мужчина с короткой седой бородой. Слева располагался представитель торгово-земельных гильдий, которого я узнала по прошлогодним переговорам о пошлинах.

Господин Хест.

Высокий, широкоплечий, с рыжеватой бородой и привычкой постукивать пальцами по столу, когда ему не нравился разговор.

Он тоже меня узнал.

Но приветствовать не стал.

Я остановилась возле свободного кресла.

— Ваше величество, — произнес Валлен. — Благодарю, что пришли.

— Меня привели.

Он никак не отреагировал.

— Государственный совет собрался для оглашения чрезвычайных распоряжений после смерти Рейнара Третьего.

Я села.

Морн остался у двери.

Валлен развернул документ.

— В соответствии с законом о престолонаследии на седьмой день после смерти монарха будет созван чрезвычайный королевский суд. До его решения управление Арвелем осуществляет совет.

Секретарь вслух повторил дату.

Я мысленно отсчитала дни.

Сегодня был первый.

Оставалось шесть.

— Среди рассматриваемых вопросов, — продолжил канцлер, — обстоятельства смерти государя, законность перехода королевских полномочий и положение его вдовы.

Я подняла голову.

— Мое положение?

— Разумеется.

— У меня есть имя.

Несколько советников посмотрели друг на друга.

Валлен сложил руки.

— Никто не намерен лишать вас имени.

— Тогда предлагаю пользоваться им, когда речь идет о человеке, присутствующем в комнате.

Господин Хест перестал постукивать пальцами.

Храмовый судья едва заметно поднял брови.

Канцлер помолчал.

— Госпожа Лиана Арвель. Вы удовлетворены?

— Продолжайте.

Он посмотрел на секретаря.

Тот огласил распоряжение о трауре, охране королевских регалий и ограничении доступа к личным покоям покойного.

Затем прозвучало мое имя.

Теперь полностью.

Меня оставляли под стражей до завершения предварительного разбирательства.

Основание: наличие обстоятельств, требующих проверки возможной причастности к смерти монарха.

Формулировка была почти той же, что в утреннем распоряжении.

Однако один пункт оказался новым.

До решения суда я не могла распоряжаться землями Каменного Брода.

Я поднялась.

— На каком основании?

Секретарь замолчал.

Валлен посмотрел на меня с явным раздражением.

— Госпожа Арвель, прошу вас...

— Вы только что объявили, что я не могу распоряжаться наследственным имуществом. Почему?

— Потому что вы находитесь под следствием.

— Это не основание для передачи управления моими землями третьим лицам.

— Управление не передается. Оно временно ограничивается.

— Кто в таком случае будет выплачивать жалование работникам? Покупать зерно? Распоряжаться запасами?

— Ваш управляющий продолжит текущую деятельность.

— Без права подписывать новые договоры?

Валлен помолчал.

— До уточнения обстоятельств.

Я стиснула пальцы.

— В Каменном Броде через неделю начинается ремонт северной плотины. Договор с каменщиками должен быть подписан завтра. Если его не подпишут, работы перенесут до зимы.

— Сейчас решаются государственные вопросы.

— Затопленная деревня тоже часть государства.

Господин Хест кашлянул.

— Ваша милость, замечание госпожи Арвель разумно.

Валлен повернулся к нему.

— Вы предлагаете разрешить обвиняемой распоряжаться землями?

— Я предлагаю не доводить действующие хозяйства до разорения, пока обвинение не доказано.

Я посмотрела на Хеста.

Он не улыбнулся.

Но продолжил:

— Можно сохранить текущие платежи через управляющего при условии отчетности перед гильдией.

Храмовый судья кивнул.

— Такой порядок не противоречит закону.

Валлен некоторое время молчал.

Затем произнес:

— Хорошо. Внесите поправку.

Секретарь торопливо начал писать.

Я медленно села.

Каменный Брод хотя бы не оставался совсем без управления.

Канцлер продолжил заседание.

Когда все распоряжения были оглашены, я попросила слова.

— У меня подано заявление о независимом осмотре тела короля.

Валлен выпрямился.

— Этот вопрос рассматривается отдельно.

— Тогда прошу сообщить решение.

Храмовый судья открыл папку.

— Заявление действительно поступило. Оно зарегистрировано.

— И?

— Храм готов направить собственного лекаря.

Валлен резко повернул голову.

— Без согласования с королевской канцелярией?

— Осмотр уже проводился придворным специалистом, — сказал судья. — Повторное заключение может только способствовать выяснению обстоятельств.

— Вы ставите под сомнение компетентность госпожи Дорн?

— Нет. Мы подтверждаем необходимость независимой проверки.

Я молчала.

Хест откинулся на спинку кресла.

— Со стороны гильдий возражений нет. Чем быстрее установят причину смерти, тем меньше слухов будет в городе.

Валлен посмотрел сначала на него, затем на храмового судью.

Оба сохраняли спокойствие.

Я вспомнила объяснения Ирмы.

Две независимые печати.

Канцлер не мог просто объявить, что вопрос закрыт.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но осмотр проводится только в присутствии уполномоченных представителей совета.

— И храмового суда, — добавил судья.

— Разумеется.

Я разжала сцепленные под столом пальцы.

Господин Хест наклонился вперед.

— Также потребуется опись вещей, снятых с покойного. Особенно регалий.

Валлен быстро посмотрел на него.

— Она составляется.

— Тогда представьте ее в суд.

— Представим.

Я подняла голову.

— Мне позволят ознакомиться с ней?

Канцлер устало прикрыл глаза.

— Вы собираетесь изучать каждый предмет, найденный возле короля?

— Только тот, который имеет отношение к расследованию.

— Вашу брошь уже внесли в опись.

— Меня интересует не брошь.

Я сделала паузу.

— Где королевская печать?

В зале стало тихо.

Господин Хест посмотрел на канцлера.

Храмовый судья — на секретаря.

Валлен сложил ладони.

— В государственной казне.

— Когда ее туда передали?

— После смерти государя.

— Кто снял ее с руки?

Канцлер ответил не сразу.

— За регалии отвечают дворцовые служители.

— Значит, существует запись с именем служителя и временем передачи?

— Разумеется.

— Тогда прошу предоставить ее.

Валлен посмотрел на меня с таким выражением, будто я только что потребовала личного приема у мертвого короля.

— Госпожа Арвель, вы не располагаете полномочиями проверять государственную казну.

— Я не прошу допустить меня в казну. Прошу запись о предмете, который находился на руке моего мужа незадолго до его смерти.

— Как это относится к обвинению?

— Пока не знаю. Именно поэтому хочу выяснить.

Господин Хест снова постучал пальцем по столу.

— Опись действительно должна быть представлена.

Канцлер повернулся к нему.

— Вы намерены поддерживать каждое требование госпожи Арвель?

— Только законные.

Ответ прозвучал сухо.

Я опустила глаза, скрывая облегчение.

Хест не был моим другом.

Мы спорили о пошлинах, и однажды он отказал мне в снижении платы за перевозку зерна.

Но сегодня он вел себя так, как должен вести себя человек, отвечающий за законность торговых операций.

Это было намного полезнее дружеских заверений.

Совет завершил заседание.

Когда я поднялась, Валлен подошел ко мне.

— Вы очень уверенно держались.

Я посмотрела на него.

— Спасибо.

— Однако советую различать защиту собственных интересов и попытку вмешаться в государственные дела.

— Мой муж умер при странных обстоятельствах. Меня подозревают в убийстве. Не уверена, что могу позволить себе не вмешиваться.

Он подошел ближе и понизил голос, чтобы окружающие не слышали его следующих слов.

— Вы еще не понимаете, насколько опасным стало ваше положение.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда объясните.

Он некоторое время молчал.

Затем произнес:

— Люди напуганы. Шесть прежних смертей и теперь седьмая свадьба... В городе непременно заговорят о проклятии.

— Проклятие убивает только королевских жен?

— Иногда легенды меняются.

— В таком случае мне лучше искать убийцу, чем подходящую легенду.

Валлен отступил.

Его лицо снова стало вежливым.

— Как пожелаете, государыня.

Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за дверью.

Только тогда заметила, что Морн все еще стоял неподалеку.

— Слышали? — спросила я.

— Последнюю часть.

— И что думаете?

— Вам действительно следует быть осторожнее.

Я раздраженно выдохнула.

— Вы сегодня уже говорили это.

— Значит, мое мнение не изменилось.

В королевский кабинет меня больше не пустили.

Зато разрешили присутствовать при составлении дополнительной описи в соседнем помещении.

Стражники принесли несколько предметов, найденных возле тела.

Серебряную чернильницу.

Ключ от внутреннего замка.
Скомканный лист бумаги.
Пустой футляр для очков.
Мою брошь.
И кубок, опечатанный после осмотра лекарки.
На каждый предмет составляли отдельную запись.
Я стояла возле стола и внимательно следила за работой писца.
Брошь лежала на белой ткани.
Ее уже осмотрели, но не почистили.
Один из гранатов едва заметно покачивался в оправе.
Мать надевала эту брошь только по праздникам. Не потому, что украшение было особенно ценным, а потому, что боялась потерять камень.
После ее смерти я долго не решалась носить веточку.
Вчера захотела приколоть ее к свадебному платью, словно это могло приблизить ко мне человека, который наверняка сказал бы, что я совершаю ужасную глупость.
Теперь украшение лежало среди вещей мертвого короля.
Я смотрела на него и испытывала злость.
Не на Рейнара.
На того, кто решил использовать память о моей матери, чтобы обвинить меня в убийстве.
— Можно осмотреть застежку? — спросила я.
Писец поднял голову.
— Прикасаться запрещено.
— Я и не прошу разрешения прикасаться. Поверните украшение.
Он посмотрел на храмового служителя.
Тот кивнул.
Писец осторожно перевернул брошь деревянной палочкой.
На внутренней стороне сохранилась знакомая царапина.
Рядом виднелась тонкая темная полоска.
Я наклонилась ближе.
— Что это?
— Возможно, грязь, — сказал писец.
— Или след от ткани? — спросила я.
— Пока определить нельзя.
Я выпрямилась.
Брошь могли завернуть в темную ткань, прежде чем принести в кабинет.
А могли просто положить на грязную поверхность.
Доказывать что-либо по одной полоске было бессмысленно.
Но я попросила указать ее в описании.
Писец записал.
Потом перешел к кубку.
Он был тяжелым, с гербом Арвелей на боку и широкой ножкой.
Я узнала рисунок.
Такие сосуды стояли на свадебном столе.
— Этот кубок подавали королю во время ужина? — спросила я.
— Не установлено, — ответил писец.
— Они все одинаковые?
— В королевском сервизе несколько десятков предметов.
Я наклонилась ближе.
На дне осталась темная жидкость.

Сайра Дорн, присутствовавшая при осмотре, подняла руку.

— Не наклоняйтесь слишком близко, государыня.

— Почему?

— Содержимое пока не исследовано.

— Вы думаете, в нем яд?

Лекарка посмотрела на меня.

— Пока я ничего не думаю вслух.

Я выпрямилась.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда кто-нибудь требует заключение раньше исследования — да.

В отличие от Валлена она говорила без желания меня унижить.

Просто устало.

Я заметила, что Сайра выглядела хуже, чем ночью. Кожа на лице стала сероватой, глаза покраснели.

— Вы давно служили моему мужу? — спросила я.

— Почти двадцать лет.

— Значит, хорошо знали его здоровье.

— Достаточно хорошо.

— У него были болезни сердца?

Она помолчала.

— Я не могу обсуждать медицинские сведения до завершения осмотра.

— Но он жаловался на холодные пальцы.

Сайра резко подняла глаза.

— Когда?

— За ужином. После церемонии.

— Вы уверены?

— Да.

Она сделала шаг ближе.

— Что именно он говорил?

Я повторила.

Про раздражение от печати.

Про холод.

Про то, как он растирал руку и попросил музыкантов замолчать.

Лекарка слушала очень внимательно.

Особенно когда я рассказала о повреждении пальца.

— Вы видели кровь? — спросила она.

— Небольшую красную черту возле основания пальца. Не знаю, была ли там кровь.

— На какой руке?

— На правой.

— На каком пальце?

Я показала.

Сайра посмотрела на мою руку.

Потом медленно опустила взгляд.

— Спасибо.

— Это важно?

— Любые сведения о состоянии человека перед смертью могут оказаться полезными.

— Значит, важно.

Она не ответила.

Вместо этого обратилась к писцу:

— Запишите показания госпожи Арвель отдельно. С указанием времени церемонии. Я наблюдала за ней.

Сайра не выглядела человеком, который просто хочет поскорее закончить неприятную работу.

Скорее человеком, которому не нравится собственная догадка.

— Госпожа Дорн, — сказала я.

Она повернулась.

— Да?

— Вы осматривали шесть предыдущих жен короля?

Ее лицо изменилось.

Совсем немного.

Но я заметила.

— Да.

— Всех?

— Всех, кто умер при моем служении двору.

— Значит, всех шестерых.

Она не ответила сразу.

— Да.

— Их смерти были похожи?

Писец перестал писать.

Сайра посмотрела на него.

Затем на храмового служителя.

— Я не могу обсуждать медицинские заключения прежних супругов без официального разрешения.

— Почему?

— Потому что это документы, находящиеся в архиве.

— Но я теперь королева.

— И одновременно лицо, в отношении которого ведется расследование. Мне жаль.

Я не стала спорить.

Мне уже объяснили, что собственный титул не давал права даже выйти из комнаты.

Однако теперь я знала, что Сайра подписывала прежние заключения.

И почему-то не хотела о них говорить.

Независимый осмотр тела начался ближе к вечеру.

Меня к нему не допустили.

Храмовый судья разрешил присутствовать только лекарям, двум свидетелям и секретарю суда.

Я возражала.

Напомнила, что меня обвиняют в убийстве.

Потребовала хотя бы возможности задавать вопросы.

В итоге согласовали компромисс: я могла находиться в соседнем помещении, а мои письменные вопросы передавались специалистам до завершения осмотра.

Это было меньше, чем я хотела.

Но больше, чем канцлер намеревался предоставить.

Морн проводил меня в небольшую комнату возле королевских покоев.

На столе лежали чистая бумага и чернила.

В дверях стояли храмовые служители.

Через стену доносились негромкие голоса.

Иногда передвигали мебель.

Один раз кто-то попросил принести дополнительный светильник.

Я сидела и ждала.

Морн стоял у окна.

Минут через двадцать я не выдержала.

— Они вообще могут установить, от чего умер человек?

— Иногда.

— А иногда?

— Иногда нет.

Я раздраженно посмотрела на него.

— С вами невозможно разговаривать.

— Вы задаете вопросы, на которые я не знаю ответов.

— Можно было хотя бы попытаться меня успокоить.

Он помолчал.

— Если начну обещать то, чего не знаю, вам станет легче?

Я хотела сказать, что да.

Но поняла, что это было бы неправдой.

— Нет.

Он кивнул.

— Тогда подождем заключения.

Я взяла перо.

Постучала им по краю стола.

Потом положила.

— Вы давно служите королю?

— Королевскому суду.

— Это не одно и то же?

— Не всегда.

Я посмотрела на него.

— Разве приговоры выносит не королевский суд?

— Выносит.

— И вы обязаны их исполнять?

— Да.

— Даже если считаете несправедливыми?

Морн не ответил сразу.

— Приговор не становится недействительным только потому, что мне он не нравится.

— А если суд ошибся?

Он посмотрел в окно.

Некоторое время я думала, что ответа не будет.

Потом Морн сказал:

— Ошибка не перестает быть ошибкой после исполнения приговора.

Я отложила перо.

Он произнес это слишком спокойно.

Будто речь шла не о рассуждении, а о чем-то, что он уже однажды пережил.

— Вы когда-нибудь отказывались исполнять приговор?

— Да.

Я удивленно подняла брови.

— И что произошло?

— Его проверили повторно.

— Человека оправдали?

— Нет.

Я ждала продолжения.

Но Морн замолчал.

— Почему вы рассказываете так мало?

— Потому что речь сейчас не обо мне.

Я посмотрела на дверь, за которой осматривали тело короля.

Он был прав.

Однако его ответ остался в памяти.

Человек, который исполнял смертные приговоры, уже знал, что судебная ошибка не исправляется простым сожалением.

Мне хотелось понять, насколько часто ему приходилось об этом думать.

Но спрашивать дальше я не стала.

Первым из соседней комнаты вышел храмовый лекарь.

Невысокий мужчина с редкими седыми волосами и глубоко посаженными глазами.

Он представился мастером Эреном Бастом.

В руках держал записи.

За ним появились Сайра Дорн и храмовый секретарь.

Я поднялась.

— Что удалось выяснить?

Эрен сел напротив меня.

— Точную причину смерти мы пока не установили. На теле нет крупных ран, которые могли бы ее объяснить.

— То есть его не зарезали?

— Следов смертельного ранения мы не нашли.

— А яд?

— Пока не исключен.

Я сжала пальцы.

— Но и не подтвержден?

— Верно.

Он открыл записи.

— Мы взяли образцы содержимого кубка и осмотрели посуду, которую использовали возле короля. Потребуется время, чтобы определить, содержались ли там опасные вещества.

— Сколько?

— Несколько дней.

— У меня всего шесть.

Эрен посмотрел на меня поверх листа.

— Я понимаю.

— Тогда что вы можете сказать сейчас?

— Судя по времени последней трапезы и обнаружения тела, опасное вещество, если оно было, могло действовать постепенно.

— Значит, если яд был, король мог получить его не в кабинете?

— Такой вариант нельзя исключить.

Я вспомнила свадебный ужин.

Стол.

Кубки.

Поднос с напитками.

И перстень.

— На руке были повреждения?

Эрен перевернул лист.

- На правом указательном пальце имеется небольшая поверхностная ранка.
Я подалась вперед.
- Возле основания?
- Именно.
- Сайра Дорн стояла чуть позади лекаря.
Я заметила, как она опустила глаза.
- Я видела ее еще до ужина, — сказала я. — Во время подписания договора.
Эрен кивнул.
- Это занесено в заключение.
- Рана могла стать причиной смерти?
- Сама по себе — нет. Она слишком мала.
- А если в нее попало что-нибудь опасное?
- Лекарь посмотрел на меня внимательнее.
- Тогда мы должны установить, что именно туда попало.
Я выдохнула.
- Впервые за весь день у меня появилась не просто догадка, а подтвержденный факт.
Ранка действительно существовала.
- Я не придумала ее задним числом и не перепутала пальцы из-за волнения.
Король поцарапал руку во время церемонии.
- И через несколько часов умер.
- Это еще не доказывало связь между событиями.
- Но теперь ее хотя бы можно было проверить.
- Вы осматривали украшения на его руках? — спросила я.
- Эрен нахмурился.
- На момент осмотра у государя оставалось только брачное кольцо.
Я медленно выпрямилась.
- Только?
- Да.
- А королевская печать?
- Ее не было.
- Я повернулась к храмовому секретарю.
- Вы это записали?
- Разумеется.
- Когда ее сняли?
- Секретарь перелистал бумаги.
- Согласно переданным сведениям, печатьку изъяли после смерти короля для сохранности государственных регалий.
- Кто именно?
- Дворцовый хранитель.
- Имя?
- Господин Ларс Дейн.
- Я повторила про себя.
Ларс Дейн.
- Во сколько?
- Секретарь снова посмотрел в записи.
- Молчал дольше, чем мне хотелось.
- Точное время здесь не указано.
- А кто присутствовал при изъятии?
- Есть подпись представителя королевской канцелярии.

— Чья?

Он замялся.

— Подпись не вполне разборчива.

Я посмотрела на него.

— Вы понимаете, насколько это серьезно?

— Государыня...

— Это королевская печать. Украшение, которым утверждали документы от имени государства. Оно находилось на руке человека за несколько часов до смерти. Теперь его нет, а в описи даже не указано, кто присутствовал при передаче.

Храмовый секретарь побледнел.

Эрен молчал.

Сайра осторожно положила свои записи на стол.

За раздражением пришла ясная мысль: возможно, кто-то рассчитывал, что все внимание будет приковано к кубку и моей броши.

А про печатку никто не спросит.

— Я требую дополнить опись, — произнесла я. — Указать время изъятия, всех свидетелей и место хранения.

Секретарь посмотрел на храмового лекаря.

Тот кивнул.

— Требование разумное.

— И еще.

Я сделала паузу.

— Печатку нужно осмотреть.

Сайра резко подняла голову.

Эрен посмотрел на меня.

— Почему именно ее?

— Потому что король поранил палец, надевая ее. Я видела это собственными глазами.

— Ранка могла появиться раньше.

— Могла. Но я видела, как он поморщился и стал поправлять оправу. Канцлер предложил позвать ювелира. Король отказался.

Сайра тихо спросила:

— Канцлер присутствовал?

— Да. Он сам передал печатку.

В комнате стало тихо.

Я посмотрела на лекаря.

Она быстро отвела глаза.

— Это ничего не доказывает, — сказала она.

— Я и не утверждаю обратного.

Эрен медленно закрыл записи.

— Мы внесем ваше требование в заключение.

— Когда осмотрят перстень?

— После получения разрешения на доступ к государственной казне.

— То есть не сегодня?

— Боюсь, нет.

Я с трудом удержалась от резкого ответа.

Печатка была государственным предметом. Ее не могли просто вынести по моему требованию.

Но теперь я понимала, что доступ к ней потребует обязательно.

Храмовый лекарь поднялся.

— Мы продолжим исследования. Вам сообщат результаты через официального представителя суда.

Он поклонился.

Сайра осталась на мгновение.

Мы смотрели друг на друга.

Я хотела спросить, почему она так насторожилась, когда речь зашла о перстне.

Но лекарка первой заговорила:

— Ваше величество, прошу вас не делать поспешных выводов.

— Я пока не сделала никаких.

— Иногда несколько совпадений кажутся убедительнее, чем есть на самом деле.

— А иногда совпадения оказываются неслучайными.

Она ничего не ответила.

Затем собрала бумаги и ушла.

Я смотрела ей вслед.

Мне не нравилось, сколько людей в этом дворце советовали не торопиться.

Особенно когда сами очень спешили.

К вечеру я получила три документа.

Первый — подтверждение о регистрации моих требований.

Второй — решение храмового суда о сохранении всех вещественных доказательств до завершения расследования.

Третий — дополнительную опись предметов, обнаруженных возле тела Рейнара.

В ней действительно не было королевской печати.

Значились брачное кольцо, пояс, ключ от кабинета, небольшой нож для вскрытия писем.

Даже платок, лежавший в кармане домашнего камзола.

Но печати не было.

Не потому, что о ней забыли при составлении списка.

Ее официально изъяли раньше.

Я положила документы рядом.

Попыталась восстановить порядок.

Король ушел в кабинет.

Дверь закрылась изнутри.

Когда он перестал отвечать, стражники взломали замок.

Лекарка установила смерть.

После этого началась подготовка к осмотру.

Где-то между этими событиями с руки исчезла печать.

Ее мог снять дворцовый хранитель.

Вполне законно.

Но если все было законно, почему в документах не указали точное время?

Я вновь перечитала запись.

Изъята для передачи в государственную казну.

Ни одного лишнего слова.

В Каменном Броде даже при продаже старой телеги управляющий требовал две подписи.

А здесь речь шла о королевской печати.

Я взяла лист и написала еще одно прошение.

На этот раз я ограничилась одним требованием.

Попросила представить журнал доступа к кабинету после обнаружения тела, записи дворцового хранителя и полную цепочку передачи печати.

Затем позвала стражника.

Вместо Рика появился Морн.

— Вы снова что-то требуете? — спросил он, заметив бумагу.

— Разумеется.

Я передала ему лист.

Он быстро прочитал.

— Вы не намерены оставить печатку в покое?

— Пока не узнаю, где она и кто ее снял.

— Канцлер утверждает, что она в казне.

— Тогда это легко подтвердить.

Он посмотрел на меня.

— Вы правы.

— Простите?

— Если предмет находится в казне, должна существовать запись о его поступлении.

Я некоторое время молчала.

— Вы сейчас со мной согласились?

— В данном вопросе — да.

— Предупреждайте заранее. Я не привыкла.

Морн сложил документ.

Кажется, уголок его рта едва заметно дрогнул.

Но улыбкой это назвать было трудно.

— Я передам.

— Храмовому суду, не канцелярии.

— Вы указали адресата.

— Значит, сможете прочесть.

Он посмотрел на меня с усталым терпением.

— Ваше величество.

— Да?

— Сегодня вы заставили нескольких высокопоставленных людей заново изучить порядок оформления государственных документов.

— Сожалею, что лишила их спокойного вечера.

— Они тоже.

Я улыбнулась, но тут же вспомнила, зачем составляю эти документы.

— Господин Морн, — сказала я. — Можно задать вам один вопрос?

— Попробуйте.

— Если выяснится, что короля убил кто-то другой, меня освободят?

— Да.

— А если убийцу не найдут?

Он помолчал.

— Суд должен рассматривать доказательства вашей вины, а не только отсутствие других подозреваемых.

— Но может ошибиться?

— Может.

Я посмотрела на его лицо.

— И тогда вы исполните приговор?

В комнате стало очень тихо.

За окном темнел сад.

Морн не отвел взгляда.

— Если законный приговор будет передан мне для исполнения и я останусь на этой должности, это будет входить в мои обязанности.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

Он ничего не добавил.

Я ожидала хотя бы обещания, что до этого не дойдет.

Или уверений, что суд обязательно разберется.

Но Морн стоял передо мной и не пытался сделать правду удобнее.

— Спасибо за честность, — произнесла я наконец.

— Не за что благодарить.

Он направился к выходу.

— Господин Морн.

Он остановился.

— Если вы когда-нибудь получите такой приговор, — сказала я, — вспомните, что я с первого вечера утверждала одно и то же. Я не убивала своего мужа.

Он смотрел на меня несколько мгновений.

— Я помню.

Потом вышел.

Ужин принесли уже после заката.

На этот раз поднос доставила Мира.

Она вошла осторожно, оглянувшись на дверь и быстро поставила тарелки на стол.

Я заметила, что девушка снова боится.

— Мира.

Она остановилась.

— Да, государыня?

— Ты утром хотела меня о чем-то предупредить.

Девушка побледнела.

— Я ничего такого...

— Ты сказала не открывать дверь незнакомым.

Она бросила взгляд через плечо.

— Простите. Я не должна была.

— Почему?

— Нам запретили разговаривать.

— Кто?

Она молчала.

Я посмотрела на нее внимательнее.

Девушке едва ли исполнилось двадцать.

Судя по тому, как она оглядывалась на дверь и комкала фартук, Мира боялась за свое место.

— Я не стану заставлять тебя рассказывать то, за что могут наказать, — сказала я.

Мира подняла глаза.

— Правда?

— Правда. Но если ты видела что-нибудь, что может помочь установить обстоятельства смерти короля, обратись к храмовым судьям. Не к канцелярии.

Она сжала край фартука.

— Госпожа, после объявления о смерти его величества многие слуги начали собирать вещи.

— Почему?

— Боятся.

— Чего?

Она посмотрела на закрытую дверь.

— Что опять начнут искать виновных.

Слово «опять» привлекло мое внимание.

— Такое уже происходило?

Мира долго молчала.

Потом кивнула.

— После смерти последней королевы одну служанку уволили. Говорили, она принесла неправильное лекарство.

— Это доказали?

— Не знаю.

— Как ее звали?

— Эльза. Фамилию не помню.

— Она умерла?

Мира испуганно покачала головой.

— Нет. Уехала из столицы.

Я мысленно отметила имя.

Еще одна возможная свидетельница.

Но пока не понимала, какое отношение ее история имела к смерти Рейнара.

— А кто приказал тебе утром молчать?

Мира прикусила губу.

— Старшая распорядительница сказала, чтобы мы не обсуждали ничего, что случилось ночью. Особенно с вами.

— Почему особенно со мной?

Девушка не ответила.

Я не стала настаивать.

Мира уже рисковала, сообщив даже это.

— Спасибо, — сказала я. — Можешь идти.

Она поклонилась и быстро вышла.

Я посмотрела на ужин.

Жареная рыба, тушеные овощи и свежий хлеб.

Есть не хотелось.

Но на этот раз я заставила себя.

Если придется провести следующие дни, споря с канцлером и судом, голодать было глупо.

За едой я думала о словах Миры.

После смерти шестой жены тоже искали виновных.

Одну служанку уволили.

Возможно, это действительно было связано с ошибкой при лечении.

Возможно, придворные просто хотели найти человека, на которого удобно переложить ответственность.

Но теперь, когда моя брошь оказалась возле мертвого мужа, я слишком хорошо понимала, как работает подобное объяснение.

Оно не обязано быть правдой.

Достаточно, чтобы в него поверили.

Поздно вечером ко мне снова пришла Ирма Сольт.

На этот раз без писца.

Она выглядела усталой, но держалась спокойно.

В руках у нее была небольшая папка с храмовой печатью.

— Простите за поздний визит, ваше величество.

— Сегодня никто не спрашивает, удобно ли мне время. Так что проходите.

Она села возле камина.

— Я принесла подтверждение о сохранении всех записей, относящихся к смерти государя.

Я взяла документ.

Там действительно стояли две печати: храмовая и торгово-земельная.

— Значит, канцлер не сможет просто уничтожить бумаги?

— Уничтожение документов после такого распоряжения будет отдельным преступлением.

— Преступления иногда совершают.

— Поэтому копии будут храниться вне дворца.

Я посмотрела на нее с благодарностью.

— Хорошее решение.

Ирма сложила руки.

— Я также должна предупредить, что канцелярия подала возражение против вашего требования осмотреть королевскую печать.

Я выпрямилась.

— Почему?

— Ссылаются на необходимость сохранения государственных регалий и отсутствие подтвержденной связи украшения со смертью короля.

— Но ранка на пальце подтверждена.

— Да. Однако причина ее появления пока не установлена.

Я медленно выдохнула.

— Значит, канцлер не хочет показывать перстень.

— Это ваша трактовка.

— А ваша?

Ирма посмотрела на меня.

— Я считаю, что осмотр предмета, который мог оставить повреждение на теле покойного, имеет смысл. Но для доступа в казну потребуется отдельное решение.

— И его еще нет.

— Пока нет.

Я посмотрела на огонь.

Мне казалось, что расследование движется одновременно в двух направлениях.

Каждый найденный факт приближал меня к объяснению.

И каждый раз между мной и этим объяснением возникала новая дверь, к которой требовалось получить разрешение.

— Вы хотели сообщить только это? — спросила я.

Ирма не ответила сразу.

Она вынула из папки еще один лист.

— Нет.

По ее лицу я поняла, что речь пойдет не о печати.

— Что случилось?

— Сегодня в храмовый суд поступило необычное обращение.

Я молчала.

— Оно касается завтрашнего прощания с королем.

— Кто его подал?

— Женщины, утверждающие, что имеют право присутствовать на церемонии как ближайшие родственницы покойного.

Я нахмурилась.
— Родственницы?
— Именно.
— У Рейнара были сестры?
— Нет.
— Дочери?
— Признанных детей у него не было.
Ирма некоторое время смотрела на лист.
Затем осторожно сложила его.
— Ваше величество, вы видели памятные плиты в королевской часовне?
Вопрос удивил меня.
— Да.
— Все шесть?
— Все шесть.
— Значит, знаете имена предыдущих супругов.
Я вспомнила светлый камень.
Адела Роан.
Виола Тарн.
Марта Селен.
Ильса Дрейн.
Тесса Грейн.
Нерина Фальт.
Шесть женщин.
Шесть надгробий.
— Знаю, — ответила я. — Но какое отношение это имеет к завтрашней церемонии?
Ирма посмотрела на дверь.
Убедилась, что она закрыта.
Потом снова повернулась ко мне.
— Сегодня у северных ворот столицы появились шесть женщин. Они прибыли разными дорогами, но встретились возле храмового дома и потребовали передать совместное заявление.
— О чем?
— О допуске на прощание с королем.
— Почему им могли отказать?
— Потому что они назвали имена, которые уже внесены в королевскую книгу умерших.
Я некоторое время смотрела на нее.
— Не понимаю.
Ирма развернула лист и положила передо мной.
В верхней части были написаны шесть имен.
Я узнала их все.
Все шесть, от Аделы Роан до Нерины Фальт. Ни одной ошибки.
— Это шутка? — спросила я.
— Боюсь, нет.
— Самозванки?
— Возможно. Храм еще не удостоверял их личности.
— Чего они хотят?
Ирма провела пальцем по нижней части заявления.
— Они требуют места возле королевского гроба. И публичного признания права присутствовать на похоронах.
Я медленно опустилась в кресло.

— Но эти женщины умерли.

— Именно так утверждают дворцовые документы.

— Их похоронили.

— По документам — да.

Я посмотрела на нее.

— Вы хотите сказать, что шесть женщин заявили себя прежними женами моего мужа?

Ирма кивнула.

В комнате было слышно только потрескивание поленьев.

Я снова посмотрела на имена.

Еще утром они были для меня частью дворцовой истории.

Шестью мертвыми женщинами, которым я мысленно не хотела составить компанию.

Теперь кто-то писал от их имени и требовал явиться на похороны человека, официально пережившего всех своих супругов.

— Почему вы рассказываете это мне? — спросила я.

— Потому что завтра их появление может вызвать скандал. А ваше положение и без того крайне опасно.

— Они обвиняют меня?

— В обращении ваше имя не упоминается.

— Канцлер знает?

Ирма помолчала.

— Да.

— И что сказал?

— Потребовал задержать женщин до установления личностей.

— Их задержали?

— Нет. Они находятся под защитой храмового дома. Совет не вправе арестовать их только за подачу заявления.

Я снова посмотрела на лист.

Шесть прежних жен.

Все мертвые.

И все собираются завтра прийти на прощание с Рейнаром.

Я осторожно провела пальцами по краю бумаги.

— А если это действительно они?

Ирма долго молчала.

Потом произнесла:

— Тогда нам придется заново проверить очень многие документы, ваше величество.

Она забрала заявление, поклонилась и ушла.

Я осталась возле камина.

Снаружи уже наступила ночь.

До суда оставалось шесть дней.

Где-то в государственной казне находилась печатка, которая, возможно, поранила короля за несколько часов до смерти.

В моих прежних покоях кто-то украл брошь.

Канцлер пытался связать убийство Рейнара с долгами Каменного Брода.

А на завтрашние похороны собирались прийти шесть женщин, которых весь Арвель считал мертвыми.

Я поднялась и подошла к окну.

Во дворе горели редкие фонари.

Стражники обходили стены.

Над крышами дворцовых крыльев виднелась башня главной часовни.

Именно там были выбиты имена предыдущих королев.

Я вспомнила слова канцлера, сказанные вчера возле памятных плит.

Я верю в документы. Они обычно надежнее слухов.

Теперь мне хотелось задать ему один вопрос.

Если документы настолько надежны, почему шесть мертвых женщин собираются завтра прийти на похороны моего мужа?

Глава 3. Шесть женщин в трауре

На второй день моего вдовства выяснилось, что у королевского двора существуют подробные правила даже для женщин, обвиняемых в убийстве собственного мужа.

Черное платье полагалось надевать без украшений. Волосы следовало убрать под тонкую траурную вуаль. На церемонии запрещалось плакать слишком громко, обращаться к гостям без разрешения распорядителя и покидать отведенное место.

Последнее правило казалось особенно забавным.

Покинуть отведенное место я не могла даже за завтраком.

Все эти сведения мне сообщила незнакомая пожилая дама, появившаяся в восточном крыле сразу после восхода солнца.

Она представилась госпожой Орт, старшей распорядительницей королевского гардероба, и принесла платье, которое, судя по размерам, шили для женщины значительно тоньше меня.

— Его величество предпочитал, чтобы супруги соблюдали траурные обычаи, — сказала она, раскладывая одежду на кровати.

Я посмотрела на нее.

— Вы уверены, что сейчас самое подходящее время обсуждать предпочтения моего мужа?

Женщина остановилась.

— Простите, государыня. Я не подумала.

— Ничего. Просто платье мне мало.

Она поджала губы.

— Мы можем выпустить швы.

— На целую ладонь?

Госпожа Орт осмотрела платье еще раз.

— В таком случае придется взять другое.

— Возьмите мое темное дорожное. Оно лежит в сундуке.

— Но это не траурная одежда.

— Оно черное.

— В нем нет положенной отделки.

Я села на край кровати.

— Госпожа Орт, вчера мне объяснили, что через несколько дней меня могут признать виновной в убийстве короля. Сегодня я собираюсь присутствовать на его похоронах под охраной палача. Уверяю вас, отсутствие отделки на платье станет самой незначительной неприятностью этого утра.

Женщина посмотрела на меня с удивлением, уже без раздражения.

— Я принесу ваше платье, — сказала она.

Когда дверь закрылась, я наконец смогла умыться.

Вода была холодной. Кувшин почти опустел, а просить второй мне не хотелось. Я намочила полотенце, протерла лицо и посмотрела в маленькое зеркало над умывальником.

Выглядела я плохо.

Под глазами лежали тени, губы пересохли, растрепанные волосы еще предстояло уложить.

На левой руке оставалось свадебное кольцо.

Тонкий золотой ободок, который Рейнар надел мне менее двух суток назад.

Я несколько секунд рассматривала кольцо, потом сняла. Оно легко соскользнуло с пальца. Я положила его на стол, помедлила и снова надела.

Мне не хотелось носить украшение человека, которого я почти не знала. Но снять его перед похоронами означало подарить канцлеру еще один повод рассуждать о моем отсутствии супружеской скорби.

После вчерашнего заседания я перестала недооценивать его способность превращать любую мелочь в доказательство.

На столе лежали записи, которые я успела сделать за предыдущий день.

Пропавшая брошь.

Повреждение на пальце короля.

Исчезнувшая из первоначальной описи печатка.

Шесть жен, чьи имена стояли под обращением в храмовый суд.

Я перечитала последнее.

Ночью мне почти удалось убедить себя, что секретарь неправильно поняла происходящее.

Шесть женщин могли воспользоваться именами умерших королей. Возможно, кто-нибудь решил устроить громкое представление, чтобы получить деньги или положение при дворе.

Но зачем сразу шестеро?

И почему именно теперь, когда король умер?

Я еще размышляла над этим, когда за дверью послышался знакомый голос.

— Ваше величество.

Эдрик Морн.

— Входите.

Он появился без оружия, в темной одежде с высоким воротником. На груди не было ни королевского герба, ни судебного знака.

— Через час начнется церемония, — сообщил он.

— Мне позволят присутствовать?

— Да. Совет решил, что отсутствие вдовы вызовет ненужные слухи.

— А мое появление под вашей охраной их, конечно, не вызовет?

— Вызовет.

Я посмотрела на него.

— Вы могли бы хотя бы изредка выбирать более утешительные ответы.

— Тогда пришлось бы отвечать неправду.

Он положил на стол свернутый документ.

— Порядок сопровождения. Ознакомьтесь.

Я развернула бумагу.

Меня обязали следовать рядом с двумя стражниками, не приближаться к представителям государственного совета без разрешения и не вступать в разговоры с посторонними.

Последнее ограничение было сформулировано особенно широко.

— Получается, мне вообще запрещено разговаривать?

— С участниками церемонии без разрешения.

— Кто будет его выдавать?

— Я.

— А если спрошу у вас, который час?

— Отвечу.

— Щедро.

Морн остался невозмутимым.

Я вновь посмотрела на документ.

— Здесь ничего не сказано о шести женщинах, которые собирались прийти на похороны.

Его взгляд стал внимательнее.

— Вам известно о них?

— Вчера ко мне приходила представительница храмового суда.

— Понятно.

— Так они действительно существуют?

— Шесть женщин находятся под защитой храма и утверждают, что прежде состояли в браке с Рейнаром.

— Вы их видели?

— Нет.

— Канцлер собирается пустить их в часовню?

— Насколько мне известно, против этого подано возражение.

— То есть не собирается.

— Решение еще не принято.

Я свернула распоряжение.

— А вы что об этом думаете?

— Я не занимался проверкой их личностей.

— Я спрашиваю не о проверке.

Он помолчал.

— Если эти женщины действительно были супругами короля, у них есть право присутствовать на церемонии.

Я медленно кивнула.

— Даже если их давно похоронили?

— Живого человека нельзя лишить прав только потому, что кто-то записал его мертвым.

Ответ мне понравился.

Но я слишком хорошо помнила, кем был этот мужчина.

И что именно ему поручили делать, если суд решит мою судьбу не в мою пользу.

— Господин Морн, — спросила я, — вы присутствовали на похоронах прежних королей?

— Нет.

— Ни на одних?

— Мне не приходилось.

— Но вы служили суду все эти годы?

— Да.

— Тогда наверняка слышали, как они умирали.

— Слышал разные версии.

— Например?

Он посмотрел на часы, стоявшие возле двери.

— Сейчас не лучшее время для пересказа дворцовых слухов.

— Вы опять говорите, что время неподходящее.

— Потому что у нас осталось сорок минут до выхода.

Я вздохнула.

— Хорошо. После похорон вы расскажете.

— Если сведения будут иметь отношение к делу.

— Я сама решу, что имеет отношение к моему мужу.

Он не стал возражать.

Только коротко поклонился и вышел.

Я еще несколько мгновений смотрела на закрытую дверь.

После чего взялась за волосы.

В траурную часовню нас повели через внутреннюю галерею.

Госпожа Орт все-таки принесла мое дорожное платье. Она добавила к нему широкий черный пояс и простую вуаль, которую закрепила так ловко, что та ни разу не съехала на глаза.

Когда я поблагодарила ее, женщина неожиданно задержала мою руку.

— Государыня...

Я посмотрела на нее.

— Да?

Она отпустила мои пальцы.

— Постарайтесь сегодня не оставаться одна.

Мне хотелось спросить, почему уже второй человек за два дня дает мне один и тот же совет.

Но госпожа Орт опустила голову и принялась складывать оставленные вещи.

Я решила поговорить с ней позднее.

В коридоре ждали Морн и два стражника.

Один из них был мне незнаком. Второго звали Лорен. Именно он охранял гостиную, куда меня отвели после обнаружения тела Рейнара.

Юноша поклонился.

На этот раз он не выглядел испуганным.

Скорее уставшим.

Мы спустились по широкой лестнице и направились к западной части дворца.

По обе стороны прохода горели свечи. Их было так много, что в воздухе стоял тяжелый запах воска.

На стенах висели темные полотнища с гербом Арвелей.

Слуги снимали последние праздничные украшения, оставшиеся после свадьбы.

Я увидела корзину с белыми цветами.

Лепестки уже начали буреть по краям.

Всего два дня назад похожие цветы бросали нам под ноги перед алтарем.

Сейчас их собирались выбросить.

— Его величество перенесут сегодня в усыпальницу? — спросила я.

— После прощания, — ответил Морн. — Окончательное погребение состоится позднее, когда совет утвердит порядок траура.

— Значит, сегодня не совсем похороны.

— Для большинства присутствующих разница несущественна.

Я посмотрела на него.

— Для людей, которые утверждают, что уже лежали в той же усыпальнице, возможно, существенна.

Он ничего не ответил.

Мы прошли мимо караульной комнаты.

За открытой дверью двое стражников разговаривали, склонившись над столом.

Я услышала обрывок фразы:

— ...говорят, все шесть пришли.

Второй заметил меня.

Разговор оборвался.

Когда мы прошли дальше, я спросила:

— Об этом уже знает весь дворец?

— Скорее всего.

— Хорошо умеют хранить тайны при королевском дворе.

— Тайна, о которой знают двадцать человек, редко остается тайной.

Я задумалась.

Если женщины действительно намеревались появиться публично, то скрыть их прибытие уже было невозможно.

Канцлер наверняка понимал это.

И все же пытался не пустить их в часовню.

Почему?

Потому что боялся скандала?

Или потому что могло выясниться что-то гораздо более неприятное?

На повороте навстречу нам вышел Валлен.

С ним находились двое советников и высокий мужчина в сером плаще. Я узнала представителя торгово-земельных гильдий, господина Хеста.

Канцлер остановился.

— Ваше величество.

Я слегка наклонила голову.

— Ваше превосходительство.

Он посмотрел на мой наряд.

— Надеюсь, госпожа Орт позаботилась обо всем необходимым.

— Да. Даже нашла платье, в котором я могу дышать.

Хест неожиданно кашлянул, прикрыв рот рукой.

Валлен не обратил внимания.

— Сегодня ожидается большое количество гостей. Прошу вас соблюдать порядок и не вступать в разговоры, способные вызвать недоразумения.

— Например, спрашивать, отчего умер мой муж?

— Обстоятельства смерти выясняются.

— Тогда какие разговоры запрещены?

Он посмотрел на Морна.

— Полагаю, господин Морн уже ознакомил вас с распоряжением.

— Ознакомил.

— Прекрасно.

Валлен собирался продолжить путь, но я остановила его.

— Мне сообщили, что на церемонию хотят прийти прежние супруги короля.

Советники переглянулись.

Канцлер медленно повернулся ко мне.

— Самозванки.

— Их личности уже проверили?

— Достаточно очевидно, что речь идет о мошенничестве.

— Почему?

— Потому что прежние супруги его величества мертвы.

— Именно это женщины и оспаривают.

На лице Валлена появилось выражение усталого терпения.

— Госпожа Арвель, я понимаю, что ваше положение заставляет вас искать любые обстоятельства, способные отвлечь внимание от расследования. Но дворцовые документы весьма точны.

Я вспомнила утренний разговор с Морном.

— Документ может содержать ошибку.

— Шесть одинаковых ошибок?

Вопрос показался ему удачным.

Хест, однако, не улыбнулся.

— Вот это мы и должны проверить, — сказал он.

Канцлер резко повернулся.

— Господин Хест, речь идет о людях, пытающихся воспользоваться смертью государя.
— Если они самозванки, проверка это установит.
— Не думаю, что стоит проводить ее на похоронах.
— А я не думаю, что храм вправе отказать в рассмотрении их заявления только потому, что нам не нравится время.

Валлен сжал губы.

Я посмотрела на Хеста с новым интересом.

Вчера он поддержал мое требование сохранить хозяйственные платежи Каменного Брода.

Сегодня не позволял канцлеру просто объявить шесть женщин мошенницами.

Мне хотелось думать, что дело в принципиальности.

Но я слишком хорошо знала торговых людей.

Господин Хест мог быть честным и одновременно преследовать собственные интересы.

Пока эти интересы помогали установить правду, я не собиралась возражать.

— Храмовый суд допустит их на церемонию? — спросила я.

Хест ответил раньше канцлера:

— Если они подчинятся установленному порядку и согласятся дать показания, оснований для отказа нет.

Валлен посмотрел на него.

— Решение еще обсуждается.

— Тогда обсудите быстрее, — сказала я. — До начала осталось меньше часа.

Канцлер медленно повернулся ко мне.

Я впервые заметила, как глубоко залегли складки возле его рта.

— Ваше величество, проявите хотя бы сегодня уважение к памяти покойного супруга.

Я заговорила резче, чем собиралась.

— Я пришла на его похороны. Вы обсуждаете, кого следует не пускать к гробу. Не уверена, что именно я нарушаю уважение к покойному.

Морн чуть повернул голову.

Наверное, хотел напомнить мне об осторожности.

Но я уже сказала все, что собиралась.

Валлен некоторое время молчал.

Затем поклонился.

— Прошу проходить. Церемония скоро начнется.

Мы разошлись.

Когда канцлер скрылся за поворотом, Морн тихо произнес:

— У вас есть особый талант раздражать людей, которые принимают решения о вашей судьбе.

— А у них талант принимать решения, не задавая правильных вопросов.

— Это не делает ваше положение безопаснее.

— Знаю.

Я поправила вуаль.

— Но если буду соглашаться с каждым их словом, через пять дней меня повесят, а господин Валлен очень вежливо извинится за неудобства.

Морн ничего не ответил.

Я посмотрела на него.

— Извините. Наверное, не стоило говорить это при вас.

— Почему?

— Потому что исполнять приговор придется вам.

Он остановился возле дверей часовни.

Повернулся ко мне.

— Приговора еще нет.

— Да.

— Тогда не будем вести себя так, будто он уже вынесен.

Я внимательно посмотрела на него. Это было первое утешение, которое я услышала от палача: сдержанное, но неожиданно разумное.

Королевская часовня оказалась почти заполнена.

Вдоль стен стояли дворяне в черных одеждах, представители гильдий, храмовые служители, старшие офицеры и несколько десятков придворных.

В отдельной галерее разместили людей, которым позволили присутствовать по особому разрешению. Среди них были городские старосты, богатые торговцы и представители служебных домов королевства.

На возвышении перед алтарем стоял открытый гроб.

Внутри лежал Рейнар.

На нем был темный церемониальный камзол, украшенный серебряными застёжками. Грудь закрывало широкое полотно с королевским гербом.

Лицо выглядело спокойным.

Даже слишком.

После вчерашнего осмотра тело подготовили к прощанию и перенесли в часовню.

Теперь на покойном не осталось заметных следов неожиданной смерти.

Подбородок был выбрит, волосы аккуратно уложены.

Только кожа казалась непривычно бледной.

Я подошла ближе.

Стражники остановились за моей спиной.

Еще перед свадьбой я рассчитывала обсудить с этим человеком долги Каменного Брода.

Теперь единственное, о чем мне хотелось его спросить, было совершенно бесполезным.

Кто хотел вашей смерти?

Я посмотрела на его руки.

Они лежали поверх покрывала.

На левой руке блестело брачное кольцо.

Правая была прикрыта краем ткани.

Королевской печати я не увидела.

Мне хотелось поднять покрывало и проверить повреждение на пальце.

Но вокруг стояло слишком много людей.

И я уже знала, каким будет ответ канцлера, если меня заметят.

Поэтому просто склонила голову.

— Прощайте, ваше величество, — тихо сказала я.

Вспомнила, как он поправлял перстень.

Как раздражался из-за отчетов.

Как обещал утром рассмотреть мои документы.

Я не могла сказать, что буду скучать по нему.

Но мысль о том, что его жизнь закончилась настолько внезапно, все равно была неприятной.

Возможно, он так и не понял, что произошло.

Возможно, в последние минуты пытался позвать кого-нибудь на помощь.

А дверь оставалась заперта изнутри.

Я отвернулась от гроба.

Мне отвели место в первом ряду, возле алтаря.

Морн встал немного позади, у колонны.

Я заметила, что несколько придворных смотрят на него почти с таким же интересом, как на меня.

Неудивительно.

Королевская вдова и назначенный ей палач составляли странную траурную пару.

Я села.

Через несколько минут началась церемония.

Старший настоятель произносил слова о долге правителя перед королевством. Затем говорили советники, военные и представители городов.

Все вспоминали государственную мудрость Рейнара, его решительность, заботу о порядке, победы в пограничных спорах.

Никто не упоминал шесть жен.

Никто не говорил о том, что король собирался проверить собственную казну.

И, разумеется, никто не рассказывал, как вчера его нашли на полу кабинета.

Я слушала и думала, насколько легко можно составить историю человека из одних только удобных сведений.

Если бы кто-нибудь не знал Рейнара, после этих речей решил бы, что королевство потеряло безупречного государя.

Мне хватило одного вечера, чтобы понять: таким он не был.

Однако теперь я впервые задумалась, насколько мало мне известно о его настоящей жизни.

Канцлер произнес заключительную речь.

Говорил красиво: вспоминал, как молодым советником поступил на службу к отцу Рейнара. Как наблюдал взросление наследника. Как помогал ему принимать первые государственные решения.

На последних словах его голос слегка дрогнул.

Несколько женщин заплакали.

Я смотрела на Валлена и пыталась понять, действительно ли он скорбит.

Возможно, да.

Люди могли испытывать привязанность даже к тем, с кем постоянно спорили.

А могли произносить правильные слова, потому что так требовало положение.

После речи канцлера наступила пауза.

Старший настоятель уже собирался перейти к последнему благословию, когда возле дверей часовни послышался шум.

Сначала я не обратила внимания.

Потом кто-то громко произнес:

— Им нельзя сюда!

Несколько гостей обернулись.

Настоятель замолчал.

Я тоже повернула голову.

У входа стояли храмовые служители.

Перед ними — шесть женщин.

Первой я увидела высокую женщину в черном дорожном плаще.

Она стояла совершенно прямо, хотя на лице были заметны следы усталости.

Темные волосы с серебристыми прядями убраны назад, на висках несколько выбившихся локонов.

Ей было около сорока пяти.

В руке она держала небольшую кожаную папку.

Рядом стояла женщина пониже ростом, с тонкими чертами лица и рыжеватыми волосами, собранными в тугой узел. Она теребила пальцами застежку перчатки.

Третья была темноволосой, с широкими плечами и простым шерстяным платьем. Она смотрела не на гроб, а на окружающих, словно пыталась запомнить каждого, кто находился поблизости.

Четвертая, в дорогом сером плаще, выглядела раздраженной.

Пятая стояла немного впереди остальных.

Коротко подстриженные каштановые волосы, худое лицо, темные глаза.

Она почти сразу начала искать кого-то среди стражников.

Последней вошла молодая женщина с темными волосами и четко очерченными скулами.

Ее платье было очень простым.

Никаких драгоценностей.

Только небольшая серебряная застежка возле горла.

Она остановилась рядом с первой женщиной и подняла голову.

В часовне стало тихо.

Настолько, что я услышала, как кто-то в дальнем ряду уронил молитвенник.

Женщина с папкой сделала шаг вперед.

— Мы просим разрешения присутствовать на прощании с Рейнаром Арвелем.

Она говорила спокойно, не повышая голоса. В притихшей часовне ее слышали все.

Валлен первым пришел в себя.

— Уберите их.

Двое стражников направились к женщинам.

Однако между ними и посетительницами встал храмовый служитель.

— Их обращение принято судом, ваше превосходительство.

— Они самозванки.

— Личности заявительниц подлежат установлению.

— Это королевская церемония!

Старший настоятель поднял руку.

— Господин канцлер.

Валлен повернулся.

— В храме нельзя задерживать людей без установленного законом основания, — продолжил настоятель. — Эти женщины прибыли добровольно и готовы подтвердить свои слова.

— Они оскорбляют память государя!

Первая женщина медленно повернула голову.

— Я уже однажды слышала это от вас, Ордис.

Канцлер замер.

Она посмотрела на него с холодным спокойствием.

— Тогда вы убеждали меня, что заботитесь о чести королевской семьи. Кажется, с тех пор ваши привычки не изменились.

Валлен побледнел.

Всего на мгновение.

Затем выпрямился.

— Я вас не знаю.

— Очень жаль. Мы провели немало времени за одним столом.

По залу прошел шепот.

Старший настоятель спустился с возвышения.

— Назовите свое имя.

Женщина повернулась к нему.

— Адела Роан.

Я крепче сжала край вуали.
Первое имя на памятной плите.
Первая жена Рейнара.
Адела раскрыла папку и достала сложенный документ.
— Тринадцать лет назад я вышла замуж за Рейнара Арвеля. Спустя несколько лет королевская канцелярия объявила меня умершей.
Она подняла голову.
— Как видите, сообщение оказалось преждевременным.
В часовне кто-то вскрикнул.
Пожилая придворная дама возле колонны схватилась за спинку скамьи.
Я узнала ее.
Госпожа Орт.
Она смотрела на Аделу так, словно не могла поверить собственным глазам.
— Госпожа Роан? — едва слышно произнесла она.
Адела повернулась.
На ее лице впервые появилось что-то похожее на улыбку.
— Клара?
Госпожа Орт сделала шаг вперед.
— Простите... Я...
Она закрыла рот рукой.
Адела посмотрела на нее внимательнее.
— Вы все еще служите при гардеробе?
Женщина кивнула.
— Да.
— И все еще спорите с портнихами из-за длины рукавов?
Госпожа Орт неожиданно заплакала.
Не громко.
Просто несколько слез скатились по щекам.
— Это невозможно, — прошептала она.
Адела опустила глаза.
— Мне тоже много лет казалось, что вернуться невозможно.
Настоятель смотрел то на одну женщину, то на другую.
— Госпожа Орт, вы узнаете заявительницу?
Та с трудом выпрямилась.
— Да, ваше преподобие. Я служила госпоже Роан, когда она была королевой.
— Вы готовы подтвердить это под присягой?
— Да.
По залу снова прошел шепот.
Адела медленно сложила документ.
— Благодарю, Клара.
Валлен выступил вперед.
— Одного свидетельства недостаточно. Люди могут ошибаться после стольких лет.
— Разумеется, — сказал настоятель. — Поэтому мы проведем надлежащую проверку.
Адела посмотрела на канцлера.
— Именно этого мы и просим.
Затем она отошла немного в сторону.
Вторая женщина сняла перчатку.
— Виола Тарн.
Я узнала и это имя.

Виола была второй женой.

Она выглядела напряженной, словно с трудом заставляла себя говорить перед собравшимися.

— Я тоже состояла в браке с Рейнаром Арвелем.

На ее левой руке виднелась старая белесая полоса от ожога.

Женщина в одном из дальних рядов встала.

— Виола?

Та повернулась.

— Тетя Эсма.

Женщина схватилась за грудь.

— Девочка моя...

Виола резко выдохнула.

Я увидела, как у нее дрогнули губы.

Она сделала движение к родственнице, но остановилась.

Наверное, не знала, разрешат ли ей.

Храмовый служитель осторожно предложил женщине сесть.

Виола сжала снятую перчатку в кулаке.

Следующей выступила третья гостья.

— Марта Селен.

Голос оказался низким, немного хриплым.

— Я не собираюсь рассказывать здесь всю свою жизнь. Но если суд хочет выяснить, кто я такая, пусть приглашает людей, которые знали мою семью до свадьбы.

Она посмотрела на канцлера.

— Только без вашей помощи, господин Валлен. В прошлый раз она обошлась мне слишком дорого.

Несколько придворных переглянулись.

Четвертая женщина не стала дожидаться приглашения.

— Ильса Дрейн.

Она сняла капюшон.

Темные волосы оказались аккуратно уложены, хотя платье было дорожным.

— У меня имеются документы, подтверждающие происхождение, и родственники, готовые свидетельствовать. Надеюсь, проверка не займет еще столько лет.

В голосе прозвучала сухая насмешка.

Валлен смотрел на нее с выражением, которого я прежде у него не видела.

Он не казался испуганным.

Скорее рассерженным человеком, чьи тщательно составленные планы кто-то грубо испортил.

Пятая женщина сделала шаг вперед.

— Тесса Грейн.

Ее голос был резким.

— Я была пятой женой Рейнара.

Она посмотрела на гроб.

Потом отвела взгляд.

— Никогда не думала, что мне придется благодарить его за смерть.

В часовне раздалась возмущенная возгласы.

Старший настоятель поднял руку.

— Прошу соблюдать порядок.

Тесса не обратила внимания.

Ее взгляд скользил по рядам.

Она явно искала кого-то.
Наконец остановилась.
На мужчине, стоявшем возле колонны за моей спиной.
Эдрике Морне.
Лицо Тессы изменилось.
Я увидела, как она побледнела.
Потом сжала кулаки.
Но прежде чем она успела что-нибудь сказать, выступила шестая женщина.
— Нерина Фальт.
Ее голос оказался тихим, но отчетливым.
— Последняя супруга Рейнара перед нынешним браком.
Она посмотрела прямо на меня.
Я невольно выпрямилась.
Нерина медленно кивнула.
Не приветственно.
Скорее так, словно убедилась, что нашла человека, которого искала.
— Полтора года назад меня объявили умершей, — сказала она. — Сегодня я пришла посмотреть на человека, чья канцелярия подписала мое свидетельство о смерти.
Валлен резко произнес:
— Достаточно!
Нерина повернулась к нему.
— Я с вами согласна, ваше превосходительство. Действительно достаточно.

Старший настоятель потребовал закрыть двери часовни.
Не чтобы задержать женщин.
Чтобы остановить поток любопытных, который уже начал собираться возле входа.
Я слышала, как снаружи люди спорят со стражей.
Наверное, слух о появлении покойных королев распространился по дворцу еще до того, как все шесть успели назвать свои имена.
Канцлер требовал немедленно вывести их в соседнее помещение.
Храмовые служители настаивали, что публичное заявление уже сделано и теперь должно быть надлежащим образом зафиксировано.
Хест подошел к настоятелю.
Они обменялись несколькими словами.
Затем представитель гильдий поднял руку.
— Господа, прошу внимания.
Голоса постепенно стихли.
— Эти женщины сделали заявления, затрагивающие государственные документы. Если они говорят правду, необходимо пересмотреть записи о смерти, браках и наследовании. Если лгут — установить, кто организовал обман.
Валлен посмотрел на него с явным раздражением.
— Неужели вы предлагаете проводить судебное разбирательство возле гроба короля?
— Нет. Предлагаю сначала завершить церемонию, а затем получить показания. Но выгнать заявительниц без проверки мы не можем.
Старший настоятель кивнул.
— В нашем храме они будут находиться под защитой закона.
Канцлер сделал шаг вперед.
— Королевский совет отвечает за безопасность дворца.
— А храмовый суд — за законность свидетельств о смерти, — ответил настоятель.

Я наблюдала за ними.

Еще вчера вся власть во дворце казалась сосредоточенной в руках Валлена.

Он отдавал приказы, решал, кому позволено входить, распоряжался документами.

Теперь выяснялось, что ему приходится считаться с людьми, которые не обязаны выполнять каждое его требование.

Это не делало мое положение безопасным.

Но давало возможность бороться.

Секретари начали записывать заявления женщин.

Госпожа Орт подтвердила, что узнала Аделу.

Еще один придворный, пожилой мужчина с длинными седыми усами, заявил, что помнит Виолу по свадебным церемониям и занятиям в дворцовой ювелирной мастерской.

Однако настоятель сразу предупредил:

— Личное узнавание является свидетельством, но окончательное установление личности потребует сопоставления документов и показаний.

Адела кивнула.

— Мы понимаем.

— Тогда вас разместят в храмовом доме до завершения проверки.

Ильса подняла брови.

— Под охраной или под стражей?

Настоятель посмотрел на нее.

— Под охраной, если вы согласитесь сотрудничать.

— Прекрасно. Я уже имела неприятный опыт с людьми, которые называли заключение заботой о моей безопасности.

Марта тихо сказала:

— Ильса.

Та пожала плечами.

— Что? Он должен понимать разницу.

Я невольно вспомнила собственные комнаты в восточном крыле.

Без решеток.

С хорошей кроватью.

И дверь, которую невозможно открыть без разрешения стражника.

Ильса мне неожиданно понравилась.

Нерина все это время молчала.

Она стояла немного в стороне от остальных и продолжала поглядывать на меня.

Я попыталась понять, что именно ей нужно.

Если эти женщины действительно были женами Рейнара, их появление могло разрушить привычный порядок наследования.

Возможно, даже поставить под сомнение мой собственный брак.

Я знала, что в Арвеле нельзя одновременно состоять в нескольких законных браках.

Если первая жена короля была жива, а документы о ее смерти поддельными, значит, после нее Рейнар женился снова, не прекратив предыдущий союз законным образом.

Что тогда происходило со всеми последующими браками?

И со мной?

Я не знала ответа.

Но уже понимала, что история шести женщин имеет отношение не только к скандалу на похоронах.

Она могла затронуть множество документов о королевских браках, имуществе и наследовании за последние тринадцать лет.

— Ваше величество.

Я обернулась.

Возле меня стояла Ирма Сольт.

Та самая секретарь храмового суда, которая вчера принесла заявление.

— Вы видели? — спросила я.

— Видела.

— Они действительно похожи на женщин с портретов?

Ирма посмотрела на Аделу.

— На некоторых старых портретах сходство очевидно. Но картины не являются надежным удостоверением личности.

— Зато свидетели их узнают.

— Нескольких. Остальных предстоит проверить.

Я кивнула.

— Мне разрешат с ними поговорить?

Ирма замялась.

— Это сложный вопрос.

— Почему?

— Сейчас вы находитесь под следствием о смерти короля. Их показания могут иметь отношение к вашему делу.

— Тем более мне необходимо их услышать.

— Именно поэтому разговор придется оформить как часть официального опроса.

— Прекрасно. Я согласна.

Секретарь некоторое время изучала мое лицо.

— Вы совершенно не похожи на женщину, которая позавчера вышла замуж.

Я слабо усмехнулась.

— Наверное, потому что вчера я не ожидала встретить шесть живых покойниц.

Ирма впервые улыбнулась.

Очень коротко.

Потом посерьезнела.

— Я попробую договориться о беседе после церемонии.

— Благодарю.

Она направилась к старшему настоятелю.

Я снова посмотрела на шесть женщин.

И в этот момент все изменилось.

Тесса Грейн наконец двинулась с места.

Не дожидаясь, пока секретари закончат записывать имена, она направилась прямо к Морну.

Я увидела, как стражник возле колонны хотел преградить ей путь.

Эдрик поднял руку.

— Не надо.

Тесса остановилась в нескольких шагах от него.

Ее лицо было бледным.

Губы плотно сжаты.

Она смотрела на палача с такой ненавистью, что мне стало не по себе.

— Морн.

Он слегка наклонил голову.

— Госпожа Грейн.

Я удивилась.

Он сразу назвал ее по фамилии, не спросив, действительно ли она та, за кого себя выдает.

Тесса горько рассмеялась.

— Значит, узнал.

— Да.

— Я думала, ты умер.

— Нет.

— Жаль.

Кто-то из стражников сделал шаг вперед.

Морн снова остановил его.

— Госпожа Грейн, — произнес он спокойно. — Сейчас не лучшее место для разговора.

— Ты еще будешь говорить мне, где и когда разговаривать?

Ее голос стал громче.

Несколько гостей обернулись.

Я поднялась со своего места.

— Тесса, — позвала Марта.

Но пятая жена не слушала.

— Пять лет, — сказала она, глядя на Морна. — Пять лет я представляла, что скажу тебе, если когда-нибудь увижу.

Он молчал.

— А теперь стоишь здесь. В чистом камзоле. Возле королевского гроба.

Она посмотрела на его руки.

— И у тебя даже пальцы не дрожат.

Морн не ответил.

Тесса шагнула ближе.

— Ты помнишь моего брата?

Стоявшие рядом люди перестали перешептываться.

Палач медленно кивнул.

— Помню.

— Имя назови.

Он выдержал ее взгляд.

— Ронан Грейн.

Тесса закрыла глаза.

На секунду мне показалось, что она сейчас заплачет.

Но, вновь открыв их, она с яростью посмотрела на Морна.

— Двадцать семь лет, — сказала она. — Ему было двадцать семь.

Морн молчал.

— Ты привел его на помост.

— Да.

— Ты исполнил приговор.

— Да.

— За преступление, которого он не совершал!

Последние слова прозвучали так громко, что разговоры в часовне оборвались.

Я медленно повернулась к Эдрику.

Он стоял неподвижно.

Тесса продолжала:

— Он говорил, что ничего не крал. Что документы подделаны. Что свидетели лгут. Он просил пересмотреть дело.

Ее голос дрогнул.

— А ты все равно сделал то, что тебе приказали.

Вокруг воцарилось молчание.

Я ждала, что Морн начнет оправдываться.

Скажет, что не имел выбора.

Что приговор был законным.

Что он всего лишь исполнял обязанности.

Но палач произнес:

— Я привел приговор в исполнение.

Тесса смотрела на него.

— И это все?

Он опустил глаза.

Впервые за время нашего знакомства я увидела, что ему действительно трудно подобрать слова.

— Нет, — сказал он наконец. — Это не все. Но я не стану обсуждать смерть вашего брата перед людьми, которые пришли смотреть на нашу ссору.

Тесса побледнела еще сильнее.

— Нашу ссору?

Она сделала шаг вперед.

— Для тебя это ссора?

Морн поднял взгляд.

— Нет. Я неудачно выразился.

— Ты убил человека, а теперь выбираешь слова!

Стражники снова приблизились.

Я заметила, как у Тессы дрожат руки.

Она словно не замечала их.

— Он не воровал королевское имущество, — сказала она. — Не продавал сведения чужим государствам. Не участвовал ни в каком заговоре.

Эдрик слушал.

— Он нашел то, что кто-то очень хотел скрыть. И за это его осудили.

— Тесса, — снова позвала Марта.

На этот раз голос был тверже.

Пятая жена обернулась.

— Что?

— Не здесь. Ронан заслуживает, чтобы о нем говорили на суде. А не между двумя рядами чужих людей.

Тесса несколько мгновений смотрела на нее.

Потом медленно отступила.

Но перед тем как уйти, снова повернулась к Морну.

— Если эти женщины, — она указала на остальных, — действительно получают право говорить, я заставлю суд выслушать и историю моего брата.

Палач не отвел глаз.

— Это ваше право.

— Не смей произносить это так, будто ты на моей стороне.

Он промолчал.

Тесса вернулась к остальным.

Я осталась стоять возле скамьи.

Слова о смерти ее брата продолжали звучать у меня в голове.

Ты привел его на помост.

Ты исполнил приговор.

За преступление, которого он не совершал.

Я посмотрела на Морна.

Вчера он говорил, что ошибки не перестают быть ошибками после исполнения приговора.

Теперь я начинала понимать, почему он выбрал именно такие слова.

Последнее благословение пришлось отложить.

Старший настоятель решил, что прежде всего необходимо восстановить порядок.

Гостей попросили вернуться на места.

Шести женщинам разрешили остаться в часовне, но отвели отдельную скамью возле бокового прохода.

Канцлер выглядел так, словно готов был лично выгнать половину присутствующих.

Однако после разговора с храмовым судьей ограничился тем, что приказал усилить охрану дверей.

Я села.

Морн вернулся к своей колонне.

Теперь мне было трудно не смотреть на него.

В моем воображении палач всегда был человеком, который привык к чужой боли настолько, что перестал ее замечать.

Эдрик не выглядел равнодушным.

Но от этого становилось лишь сложнее.

Если он понимал, что делает, когда исполняет приговор, каким образом продолжал работать?

И если Ронан Грейн действительно был невиновен, почему Эдрик не остановился?

Я не знала.

Только теперь впервые ощутила настоящий страх перед человеком, которому доверили мою жизнь.

Раньше его профессия казалась неприятной формальностью.

Кто-то должен был охранять обвиняемых.

Кто-то исполнял решения суда.

Морн был назначенным должностным лицом.

Но Тесса только что напомнила мне, чем заканчиваются судебные ошибки.

Настоящей смертью, которую не отменить исправленной записью или красивыми словами о законе.

Человека выводят на помост.

И он больше не возвращается домой.

Я невольно сжала ладони.

Через пять дней мою судьбу будут решать люди, среди которых находится Валлен.

Вчера это казалось страшным.

Сегодня стало гораздо страшнее.

Настоятель вновь подошел к гробу.

Начал произносить заключительные слова.

На этот раз никто его не перебивал.

Когда он закончил, храмовые служители подняли покрывало, чтобы закрыть лицо Рейнара.

Прежде чем они опустили ткань, я увидела, как Адела Роан поднялась со скамьи.

Она не пошла к гробу.

Просто остановилась.

Несколько мгновений смотрела на умершего мужа.

Потом тихо сказала:

— Наконец-то.

Я услышала это, потому что находилась достаточно близко.

Не знаю, заметил ли кто-нибудь еще.

Мне не показалось, что она радуется.

Скорее человек, который очень долго ждал завершения тяжелого дела, наконец получил подтверждение, что оно закончено.

После этого Адела снова села.

Рейнара накрыли.

Началась подготовка к переносу гроба в королевскую усыпальницу.

После церемонии меня собирались немедленно вернуть в восточное крыло.

Об этом сообщил Морн, когда мы отошли от главного прохода.

— Ваше присутствие больше не требуется, государыня.

— Я хочу поговорить с женщинами.

— Сейчас они должны пройти предварительный опрос.

— Я тоже хочу присутствовать.

— Это решает храмовый суд.

— Тогда пойдемте туда.

Он посмотрел на меня.

— Вы намерены подавать новое прошение?

— Если понадобится.

Морн на мгновение прикрыл глаза.

— Я уже начинаю узнавать этот взгляд.

— Какой?

— После которого писарям приходится искать дополнительную бумагу.

При других обстоятельствах я бы рассмеялась.

Сейчас не хотелось.

— Вы знали Тессу Грейн? — спросила я.

Он перестал смотреть на дверь.

— Да.

— До сегодняшнего дня?

— Видел ее много лет назад.

— Значит, уверены, что это действительно она.

— Уверен, что передо мной женщина, которую я помню под этим именем.

— Она действительно была женой короля?

— Насколько мне известно, да.

Я задержала дыхание.

— И вы считали ее мертвой?

— Да.

— А ее брата?

Морн посмотрел мне в глаза.

— Государыня, я понимаю, что вы хотите спросить.

— Тогда отвечайте.

Он помолчал.

— Я исполнил смертный приговор Ронану Грейну пять лет назад.

Я почувствовала, как неприятно сжался живот.

— За что его осудили?

— За хищение королевского имущества и государственную измену.

— Тесса утверждает, что обвинения были ложными.

— Я слышал.

— Она права?

Морн долго молчал.

Потом произнес:

— Есть основания сомневаться в правильности того приговора.

Я смотрела на него.

— Основания появились до казни или после?

Он не ответил сразу.

И этого мне оказалось достаточно, чтобы почувствовать злость.

— Господин Морн?

— После.

— Вы уверены?

— В тех сведениях, которые стали мне известны позднее, да.

Я отвернулась.

Мне не хотелось продолжать разговор.

Часть меня понимала, что палач не выносит судебных решений самостоятельно.

Но другая часть уже представляла человека, которого вывели на казнь, несмотря на его слова о собственной невиновности.

И его сестру, много лет жившую с этой потерей.

— Я хочу вернуться к храмовому суду, — сказала я.

Морн немного помолчал.

— Хорошо. Но разговор будет проходить при свидетелях.

— Меня это устраивает.

Он направился к боковому проходу.

Я последовала за ним.

Шесть женщин ждали в комнате для храмовых собраний.

Она находилась за часовней, рядом с небольшим внутренним садом.

Здесь пахло старой бумагой, свечным воском и сухими травами.

Вдоль стены стояли шкафы с регистрационными книгами.

Посередине располагался длинный стол.

За ним уже сидели Ирма Сольт, старший храмовый судья и два писца.

Адела Роан разместилась возле окна.

Виола держала чашку с чаем, но не пила.

Марта стояла у двери и тихо разговаривала с Ильсой.

Тесса сидела отдельно.

Нерина рассматривала старую гравюру на стене.

Когда я вошла, все шестеро повернулись ко мне.

Мне стало неудобно.

Не потому, что они выглядели страшно.

Наоборот.

Передо мной были обычные женщины — уставшие, нервные. Одни злились, другие явно боялись происходящего.

Но все они знали о Рейнаре гораздо больше, чем я.

— Ваше величество, — произнесла Адела.

Я остановилась.

Она слегка склонила голову.

— Госпожа Роан, — ответила я.

Между нами повисла неловкая пауза.

Потом Ильса неожиданно сказала:

— Я бы предложила обойтись без титулов. Иначе мы потратим весь день, выясняя, кому из нас какие еще положены.

Несколько женщин посмотрели на нее.

Виола тихо фыркнула.

Адела осталась серьезной.

Мне неожиданно стало легче.

— Согласна, — сказала я. — Меня зовут Лиана.

— Это мы знаем, — ответила Ильса. — О тебе во дворце говорят больше, чем о покойном короле.

Я не сразу нашлась с ответом.

— Надеюсь, не слишком лестно.

— Не рассчитывай.

Тесса подняла голову.

— Ильса, хватит.

— Я пытаюсь сделать разговор менее похоронным. Мы все-таки только что провели два часа возле гроба.

Марта устало потерла переносицу.

— Ты выбрала не лучшее место для шуток.

— А когда оно будет лучшим?

Нерина тихо произнесла:

— Когда нас перестанут считать преступницами.

Ильса закрыла рот.

Адела повернулась к храмовому судье.

— Мы готовы отвечать на вопросы. Но хотели бы прежде понять, почему с нами решили говорить вместе с седьмой супругой.

Судья посмотрел на меня.

— Госпожа Арвель находится под следствием по делу о смерти короля. С учетом вашего заявления она попросила присутствовать при предварительном опросе.

Адела медленно кивнула.

— Понятно.

Виола поставила чашку.

— Ее обвиняют в убийстве?

— Пока проводится расследование, — ответил судья.

Тесса резко усмехнулась.

— Конечно. Еще одна женщина оказалась виновата во всех несчастьях дворца.

Я посмотрела на нее.

Она встретила мой взгляд.

— Не обижайтесь, Лиана. К вам это не относится.

— Не собиралась.

Тесса немного помолчала.

— Хорошо.

Судья предложил всем сесть.

Морн остался возле двери.

Я заметила, что Тесса старается не смотреть в его сторону.

Секретарь открыла большую книгу.

— Начнем с установления обстоятельств, при которых каждая из вас была объявлена умершей.

Адела сложила руки на столе.

— Мы готовы предоставить свидетельства. Но прежде хотим получить письменное обязательство, что нас не передадут королевской страже без решения независимого суда.

— Вы уже находитесь под защитой храма, — ответил судья.

— Сегодня — да. А завтра канцлер может решить, что мы представляем угрозу государству.

— Он не вправе отменить храмовую защиту единолично.

Адела посмотрела на него.

— Я много лет считала, что некоторые вещи невозможно сделать законно. Однако их все-таки сделали.

Судья не нашелся с немедленным ответом.

Наконец кивнул.

— Мы оформим дополнительное распоряжение.

Ирма сделала отметку.

Я смотрела на Аделу с растущим уважением.

Она не требовала, чтобы ей поверили на слово.

Не устраивала сцен.

Сразу добивалась документов, которые могли защитить ее и остальных.

Пожалуй, мы с ней действительно могли найти общий язык.

— Хорошо, — сказала Адела. — Тогда спрашивайте.

Судья открыл записи.

— Когда вы были объявлены умершей?

Она назвала дату.

Писарь записал.

— Что предшествовало этому?

Адела некоторое время смотрела на собственные руки.

— Болезнь.

— Какая?

— Я не знаю.

— Объясните.

Она медленно выдохнула.

— Сначала мне стало плохо после ужина. Я решила, что устала. На следующий день не могла подняться с постели. Потом стало очень холодно.

Виола опустила глаза.

Адела продолжила:

— Я помню, как служанки пытались согреть меня одеялами. Помню, что трудно было говорить. А потом...

Она остановилась.

— Потом я почти ничего не помню.

Судья сделал запись.

— Вы потеряли сознание?

— Вероятно.

— Когда пришли в себя?

Адела посмотрела на остальных.

— Не сразу.

— Где именно?

Она помолчала.

— Я пока не готова отвечать на этот вопрос.

Валлен здесь не присутствовал.

Но я заметила, как напряглась Нерина.

Адела продолжила:

— Для этого есть причины. Не связанные с желанием скрыть правду от суда.

Судья нахмурился.

— Вы понимаете, что обязаны сотрудничать?

— Понимаю. Поэтому и пришла. Но прежде чем назвать людей, которые помогли мне остаться живой, я хочу знать, что им обеспечат безопасность.

Я невольно посмотрела на Ирму.

Та записывала каждое слово.

Никто не стал немедленно требовать имен.

Судья лишь сказал:

— Ваше условие будет рассмотрено.

Адела кивнула.

После этого опросили Виолу.

Она говорила медленнее.

Часто поправляла рукав.

Несколько раз просила повторить вопросы.

Но обстоятельства оказались удивительно похожими.

Внезапная слабость, холод, сонливость, почти полная невозможность двигаться. Затем провал в памяти.

Марта описала то же самое, хотя настаивала, что перед приступом чувствовала себя совершенно здоровой.

Ильса добавила, что у нее не было никаких прежних болезней, способных объяснить состояние.

— Я тогда могла целый день проводить на пристани, — сказала она. — Таскала мешки, спорила с грузчиками и вечером еще имела силы ругаться с королевским счетоводом. А потом за несколько часов превратилась в человека, который не мог самостоятельно поднести чашку ко рту.

Судья поднял голову.

— Вы уверены, что не принимали неизвестных лекарств?

— Я вообще не любила лекарства.

Она бросила взгляд на остальных.

— После того случая люблю еще меньше.

Тесса отвечала коротко.

На вопрос о болезни произнесла:

— Меня отравили.

В комнате стало тихо.

Судья поднял глаза.

— У вас есть доказательства?

— Пока нет.

— Тогда прошу отделять факты от предположений.

Тесса сжала губы.

— Факт в том, что я была здорова. Потом мне дали лекарство. После него я очнулась в месте, где мне объяснили, что меня уже похоронили.

Я подалась вперед.

— Кто дал лекарство?

Тесса посмотрела на меня.

— Человек, которого я пока не собираюсь называть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.